

...И вот пришла за ней
любовь. Так приезжает
тайная полиция: здрав-
ствуйте, пройдемте.
И пройдешь, никуда
не денешься...

ЛЮБОВЬ приходит в черном

АННА ЧАРОВА

Анна Чарова
Любовь приходит в черном
Серия «Любовь и Магия»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14116804

Чарова, Анна. Любовь приходит в черном: Издательство «Э»; Москва;

2015

ISBN 978-5-699-83460-0

Аннотация

Журналистка Марина во время сенсационного репортажа прикоснулась к Неведомому. А потом Неведомое прикоснулось к ней, и жизнь Марины изменилась навсегда. Цунами страсти накрыло ее и понесло в неизвестность. Сама того не желая, она увидела Запретное, и теперь по ее следу идут зловещие враги. Боль и слепящая любовь, отчаяние и опасное возбуждение, ненависть и щемящее счастье – отныне постоянные спутники Марины. Сумеет ли молодая журналистка раскрыть тайну странных охотников, избежать их мести? И сможет ли она сделать все это сама или ей ни за что не обойтись без сильных мужских рук? Что выбрать: лишающую рассудка страсть или преданную нежность?

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Анна Чарова

Любовь приходит в черном

© Чарова А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Пролог

– Он перешел границы дозволенного, – сказал Главный, хмурый мужчина с загорелым, изрезанным морщинами лицом. – Ян, вам нужно отыскать его.

– Это несложно, – улыбнулся Ян.

Небольшая гостиная со стенами красного дерева, уютно потрескивающим камином и основательной мебелью предполагала беседы о политике и судьбах мира... но речь шла не о столь глобальных, хотя о более странных, загадочных и опасных вещах. Ян только что отчитался о проделанной работе, о поимке ренегата, и готовился приступить к новому заданию, когда ему выдали фотографию высокого брюнета с яркими глазами и зачесанными назад волосами. Лицо приятательное, даже на снимке видно. Собственно, таким оно и должно быть.

– Это уже труднее, – продолжил Главный. – Он живет в городе очень долго, оброс нужными связями, ни в чем не нуждается. А главное – раньше он не заступал за черту. Осторожный, скрытный. Круг общения меняет раз в два года, место жительства – каждый год.

– Он не мог не наследить. Такие всегда... выделяются. И оставляют за собой кучу трупов.

– Говорю же: он держался в рамках закона. – Главный поднялся и принялся в раздражении прохаживаться по толстому

ковру. – И постоянно обрывал старые связи. За эти десятилетия его знакомые ни разу не пересеклись. Он менял имидж, внешность, манеру поведения. Кажется, никто из жертв так ничего и не понял.

– Люди вообще не очень понятливы, – кивнул Ян. – Но я его найду. Что мне сделать потом?

– Уничтожь, он опасен, и для нас – в том числе.

Ян приподнял уголки губ:

– А для нас-то почему?

Главный махнул рукой:

– Он развенчает устои, которые складывались тысячелетиями. Представляешь, что будет, если все наши начнут переступать через правила? Он сейчас силен и вполне может залечь на дно – ресурсов хватит. Но мне кажется, он вкусил безнаказанность и не остановится, слишком уж сладок результат.

– Что-нибудь есть по нему?

– Практически ничего.

– Ну хорошо. – Ян поднялся. – Вас понял, приступаю.

Часть первая

Из-за приоткрытой двери тянуло неприятностями.

Ну не положено у знаменитостей, за которыми бегают толпы поклонников, не закрывать двери.

Марина еще раз нажала на кнопку звонка, но хозяйка так и не вышла. Тревога усилилась. Марина попыталась себя успокоить: Оливия много работает и устает. Может, она просто уснула и не слышит звонок? В конце концов, вышколенный консьерж, посмотрев на удостоверение журналиста, кивнул и проговорил: «Проходите, вам назначено». Лучше бы он пристал с расспросами, позвонил хозяйке квартиры, тогда не пришлось бы принимать сложное решение.

Уходить? Ну уж нет. Марина много дней ждала, когда у поп-дивы, ее кумира, появится свободная минутка для интервью.

Вторгаться в частные владения?

Ждать дальше? Но так и сутки под дверью проторчать можно.

Допустим, Оливия уснула в ожидании журналистки. Да, эта версия наиболее правдоподобна. Ждет, вот и не закрыла дверь. Надо просто войти и позвать.

Из квартиры лилась едва слышная музыка: флейта и гитара, слов песни было не разобрать.

Набравшись смелости, Марина переступила порог и очу-

тилась в просторной прихожей с зеркалом в половину стены, встроенным шкафом и пальмами в глиняных горшках с росписью, стилизованной под Древний Египет.

В прихожей было две дубовые двери с золочеными ручками: одна закрытая, вторая – распахнутая. Будто хозяйка хотела, чтобы гостя прошла именно туда.

Неправильно это, похоже на то, что поп-дива заманивает Марину. Но зачем? Подставить? Руки невольно вцепились в фотоаппарат. Захотелось бежать отсюда без оглядки.

Но тогда Марину ждет раздолбеж в офисе, слишком это интервью нужно главреду. «Кнышева, не будь трусом, – мысленно подбодрила себя Марина. – Кто не рискует, тот ест невкусную еду, пьет дешевый алкоголь».

Принимать или не принимать чужие правила? А, будь что будет!

О, какая у Оливии была кухня – мечта любой современной женщины: размером с Маринину малосемейку, с окнами во всю стену, встроенной техникой и шкафчиками под мрамор. На полочке за барной стойкой выстроились початые бутылки. Стеклянный столик был усыпан хлебными крошками, на черном блюде лежал надкушенный бутерброд с сыром, в чашке остывал недопитый кофе.

И снова незакрытая дверь, будто зовущая в темноту следующей комнаты. Воображение нарисовало черную мессу, свечи, расставленные вокруг жертвенного ложа, людей в мантиях, скрывающих лица. Что за чушь в голову лезет! Кныше-

ва, прекрати! Ты не представляешь для сатанистов никакого интереса: давно не девственница, в меру грешна, в меру добродетельна.

Музыка заиграла громче.

– Оливия, – позвала Марина, но никто не ответил, лишь эхо заметалось в комнатах. – У вас все в порядке?

Не дождавшись ответа, Марина побрела дальше, чувствуя себя воровкой.

Следующая комната напоминала гибрид фотоателье и молитвенной. Темные бархатные занавески не пропускали солнечный свет, и Марина часто заморгала, привыкая к полумраку. На стенах вместо обоев висели фотографии разного размера. Сначала подумалось, что Оливия страдает нарциссизмом и развесила свои снимки, но, приглядевшись, Марина поняла, что на них – мужчина, длинноволосый блондин, отдаленно похожий на Брэда Питта.

Работая в престижном глянцевом журнале, Марина по долгу службы знала всех более-менее выдающихся политических деятелей, бизнесменов и шоу-звезд, но это лицо видела впервые. Не замечая ничего вокруг, она уставилась в пронзительно-синие глаза незнакомца. Помотала головой, отгоняя оцепенение, и наконец заметила Оливию. Хозяйка квартиры спала на диване, свернувшись калачиком и даже не сняв домашний шелковый халат. Одну руку она подложила под щеку, вторую свесила до пола. Белые волосы разметались по черной коже дивана, полы халата задрались, об-

нажая загорелое бедро. Музыка лилась из колонок, нежный женский голос пел:

Мечется в клетке волк,
Пытаясь прутья сломать.
Клетка сильнее него,
Но ему это трудно принять¹.

Марина остолбенела. Она очутилась в святая святых, вряд ли Оливия обрадуется, обнаружив ее здесь. Украдкой она сделала снимок блондина и попятилась к выходу, не сводя взгляда с Оливии, собралась снова позвать ее, но замерла с открытым ртом: на паркете валялся пустой шприц и исписанный крупными буквами лист бумаги. Бросило в жар, потом – в холод, ладони взмокли.

Марина шагнула к Оливии, коснулась ее шеи, нащупала едва различимый пульс и выдохнула с облегчением. Живая!

Отступив, Марина сфотографировала комнату – скорее машинально, чем повинуясь зову разума. Склонилась над запиской, сделала еще один снимок: «В моей смерти прошу никого не винить. Я слишком устала бороться и хочу уйти».

И тут она ощутила чужое внимание. Кто-то большой и недобрый стоял позади и сверлил спину взглядом. Наклонившись еще ниже, Марина использовала фотоаппарат, как зеркало. Отражавшаяся в нем комната была пустой, но ощу-

¹ Слова из песни «Зов маяка» группы Флер.

щение присутствия не исчезло. Медленно разогнувшись, она обернулась и встретила взглядом с фотографией блондина.

И чего только не пригрезится со страха!

Видимо, Оливия решила инсценировать самоубийство и сделать из него шоу, чтобы манипулировать возлюбленным. Скорее всего ее жизни ничего не угрожает: истеричные женщины часто так делают. В том, что причина случившегося – несчастная любовь, сомнений не осталось. Есть только одно «но»: Марина давно наблюдала за Оливией, это была расудительная талантливая женщина, добившаяся всего своим трудом. Ни богатого отца, ни «папика» у нее не было. Зато было первое сопрано и три октавы, целеустремленность и нечеловеческая работоспособность.

Выходит, Марина или не разобралась в ситуации, или ошиблась в человеке. Открытые двери, доброжелательный консьерж намекали скорее на второе.

Что ж, это даже к лучшему: не будет мучить совесть, что сунулась в частную жизнь, вынесла на всеобщее обозрение чужую трагедию. Марина прицелилась фотоаппаратом в самую большую фотографию блондина, сняла его и поставила галочку, что надо будет выяснить, кто он такой.

Затем вынула из фотоаппарата карту памяти, спрятала, вставила другую и набрала «Скорую помощь».

Дождаясь врачей, она вытащила планшет, подключилась к Интернету и написала: «Любовь едва не убила Оливию.

Знаменитая поп-дива попыталась покончить с собой. К счастью, она не заперла входную дверь, и певицу вовремя нашли. Кто он, тайный возлюбленный Оливии?» Прикрепив фотографии блондина, Марина отправила письмо главреду Тампошке, позвонила ему:

– Аркадий Анатольевич, срочно проверьте почту.

– Что-то случилось, радость моя? – пробормотал главред масляным голосом.

– Сенсация, Аркадий, – скривившись, ответила она. – Поверьте, в ваших интересах поспешить.

Считается, что мужское внимание льстит женщине. Наверное, да, но только если поклонник – не лысеющий с темечка, мелкий, самовлюбленный Тампошка.

Взвыла сирена «Скорой помощи», и Марина отключилась. Чувство было, будто она искупалась в сточной канаве.

* * *

Домой Марина попала к девяти вечера голодная и измотанная. Два часа пришлось провести в кабинете следователя, еще полтора – добираться домой.

Но самым тошным оказалось то, что самоубийство Оливии – не инсценировка. Женщина действительно хотела уйти из жизни, принятая доза наркотиков могла быть смертельной. Сейчас поп-звезда находилась в реанимации, врачи боролись за ее жизнь.

Тампошка фонтанировал комплиментами. Сотни желтых газет беззастенчиво перепечатывали Маринин материал, а ей хотелось вымыться. Другая на ее месте радовалась бы: премия гарантирована, зависть коллег – тоже, но за полгода работы журналистом очерстветь не получилось, и добывание сенсаций из чужого грязного белья пробуждало проклятую совесть.

Права была мама, отговаривавшая поступать на журфак. Натура свое берет. Когда людям раздавали совесть, Марине отсыпали от души, и что теперь с ней делать? В жизни ведь как: если хочешь вкусно есть и мягко спать, крутись, через голову перепрыгивай, а совесть мешает, волочится балластом, и не сбросить никак.

Вздыхнув, Марина протопала к холодильнику. В крохотной кухне он попросту не уместился, поэтому стоял в прихожей. В лицо дохнуло холодом из белых пустынных недр: початая бутылка молока, стакан кефира, капуста. М-да, негусто, а в магазин топать не осталось сил.

Выпив кефир, Марина сварила себе кофе и улеглась на диван, рассчитывая посмотреть любимый сериал.

Только она потянулась к пульту, как в сумочке заголосил телефон. Только не Тампошка, пусть кто угодно, хоть черт с рогами!

Звонил мелкий бес по имени Наташа. Положив телефон на ладонь, Марина призадумалась, отвечать ли. Наташка была на пять лет старше, но в свои двадцать девять так и не

нажила мозгов. Каждый раз она самозабвенно влюблялась навсегда. Потом оказывалось, что объект недостойный. Затем следовали длительные попытки изгнания объекта с периодическим его возвращением в семью и редким мордобоем. Сейчас у Наташи была новая любовь – ленивый гопник Саша. Выслушивать вечные Наташкины жалобы не было ни сил, ни настроения. Но что-то заставило ответить.

– Привет, дорогая. Что случилось? – проговорила Марина, прижимая телефон плечом к уху и насыпая в кофе сахар.

Наташка всхлипнула и прохрипела:

– Мариночка... Приезжай, пожалуйста, мне так плохо...

– Нат, давай завтра, я устала адски. Набегалась, глаза сами закрываются.

Подруга еле слышно разрыдалась:

– Приезжай, господи, а то я что-нибудь с собой сделаю... Так больно...

Марина поперхнулась кофе. Первая мысль была: что-то случилось с ее дочкой. Но, слава богу, это не так. Наташка заскулила:

– Господи, как он мог так со мной поступить? – всхлип. – За что?

Похождения и страдания Наташки виделись Марине блажью, но она любила приятельницу, как любят непутевую младшую сестру. Да, она старше, но ведь глупая, беспомощная. Потянуло ее отчаянием – безнадежным, как ноябрьский дождь. Вспомнилась Оливия, пустой шприц на полу, запис-

ка...

А если и вправду сделает? И как жить с осознанием, что не подставила плечо другу в трудную минуту? Дружба – вещь обоюдоострая.

– Хорошо, жди. Выезжаю.

Толкаясь в метро, Марина размышляла. Жила-была самодостаточная женщина Оливия, толпы поклонников бегали за ней, передавали цветы, караулили у подъезда. И вот пришла за ней любовь. Так приезжает тайная полиция: здравствуйте, пройдемте. И пройдешь, никуда не денешься, вывернешься наизнанку, лишишься гордости, превратишься в тряпочку. Любовь облагораживает? Вот уж нет, скорее обезображивает.

Марина влюблялась дважды. Первая ее школьная любовь была неразделенной и длилась два года. Вторая, которая чуть не закончилась замужеством, к счастью, изжила себя, и Марина зареклась влюбляться. Помешательство же ведь! А помешательство ни к чему хорошему не приводит.

На земле миллиарды мужчин, но свет сходится клином на единственном, и бревна в его глазу не видно. Ладно, Наташка влюбляется периодически, но Оливия...

Когда Марина вышла из метро, уже смеркалось. Тянулась вереница машин со включенными фарами, мерцала реклама, из ларьков веяло жареным мясом. Захотелось съесть какую-нибудь гадость, и Марина купила чебурек у носатого улыбчивого кавказца. Расправившись с едой, приобрела торт

в небольшом магазине – организм Наташки работал на глюкозе, и от сладкого у нее улучшалось настроение. Подумав, взяла бутылку белого сухого. «И заверните две жилетки, пожалуйста. Нет, лучше три».

Наташка ждала Марину. Красные глаза и распухший нос свидетельствовали о пролитых слезах, початая бутылка водки – о том, что на адекватность подруги лучше не рассчитывать и следует запастись терпением. Ведь только для Марины ее Сашка – гопник, лентяй и бестолочь, Наташка же видит в нем достойнейшего из мужчин.

– Ох, Марина, что я пережила, – прошептала она, наливая себе водки.

Марина поставила торт на стол, села на край кухонного уголка и приготовилась внимать.

– Представляешь, прихожу я к нему, а у него Юлька, ну, бывшая его, жердина страшная. Вылупилась на меня и как набросится на него с претензиями. Что, мол, это за баба? Это я-то – баба?

– Ну а он? – поинтересовалась Марина.

– А он говорит: «Убирайтесь обе». Представляешь? – Наташка выпила водку залпом.

– Ну скотина, – кивнула Марина, мысленно отмечая, что это было известно с самого начала.

Все, что она могла, – пожалуйть подругу, обнять, погладить по голове. Пока само не переболит, ничего не поможет.

Потом Наташка ударилась в рассуждения о том, насколько

ко мир жесток, а она – наивна, раз ее настолько затронуло произошедшее. Пришла к выводу, что жизнь – это боль и лучше умереть вот прямо сейчас. Марина начала рассказ об Оливии, но Наташка перебила ее – ей важнее было перемыть косточки Сашкиной бывшей.

Подперев голову рукой, Марина слушала и кивала, слушала и кивала. Даже посочувствовать толком не получалось. Единственный плюс был от Саши-гопника: Наташка от постоянных нервотрепок похудела на десять килограмм, и теперь у нее была неплохая фигурка.

– А давай на дискотеку поедем? – предложила Наташка.

Вот только этого не хватало! Подруга финансово не тянула на нормальные клубы и предпочитала кабаки сомнительной безопасности, где клубятся парнишки в кепках, гремит отечественная попса и трясут телесами дамочки не первой свежести.

Марина же любила танцевать, но терпеть не могла дорогие клубы – тошнило от гламурных куриц, складывающих губы клювиком. Кабаки же ее отпугивали еще больше и музыкой, и клубящимися там обитателями дна.

– Наташа, мне на работу завтра...

Подруга брякнулась на колени, взяла за руку и посмотрела влажными глазами:

– Мне сегодня нужно. Очень, ну, позарез! Я больше ни о чем не попрошу, просто побудь рядом. Хочешь, я заплачу за тебя в баре?

Марина фыркнула. Наташка почувствовала, что, если еще немного надавит на жалость, бастион падет, и продолжила натиск:

– Просто посидишь рядом со мной. Мне одной больно, страшно! Если останусь здесь одна... Я с ума сойду.

– А Дашка?

Наташка махнула рукой:

– Она уже спит и не заметит, что меня нет. Хочешь, в «Бастион» пойдем, а не в «Тенистый дворик»? У меня есть деньги. Ну пожалуйста!

Ругая себя за бесхребетность, Марина сказала:

– Ладно, но недолго, мне на работу завтра...

– О, спасибо!

Наташка вскочила и обняла Марину так, что чуть ребра не затрещали, чмокнула в щеку. Отпрянула и побежала собираться. Решила склеить кого-нибудь – выбить клин клином. Из нового знакомства, конечно, вряд ли что-то хорошее получится, но временное облегчение принесет. Да хотя бы позволит почувствовать собственную привлекательность, что Наташке нужно, как никогда. У нее ведь и подруг нет – их разогнал гопник.

Уже в такси Марина решила, что и ей выход в свет не повредит, заработалась она, уж и забыла, когда в последний раз была на вечеринке. Да и «Бастион» – заведение не самое худшее, туда иногда забредают приличные мужчины, можно будет пофлиртовать. Правда, для такого мероприятия она

одета неподобающе: черные брюки в обтяжку, красно-черная декольтированная блузка без рукавов – все скромное, но стоит две зарплаты: беседа со знаменитостями, нужно выглядеть прилично.

Макияжем Марина не озаботилась, да ей и не нужно краситься: брови и ресницы черные, губы яркие, правильной формы. Спасибо матушке-природе! Еще бы не скулы такие выдающиеся, красавицей была бы.

Наташка надела синее блестящее платье с разрезом на бедре и декольте «я тебя хочу», босоножки на шпильке, подвела стрелки и нанесла красную помаду. Ну а что, хищница вышла на охоту, дрожите, мужики! Таксист, вон, уже трепещет, роняет слюну на сиденье и себе на коленки. Наташка преобразилась: глаза горят, подбородок вздернут. «Ну я тебе покажу, кто баба», – читается на ее лице.

Припарковавшись возле клуба, таксист обернулся, блеснул золотым зубом:

– Красавицы, звоните, когда нагуляетесь. Возьмите визиточку!

Наташка улыбнулась, взяла визитку:

– Непременно. Но нас уже ждут.

Когда вышли из машины, Марина проговорила:

– Именно так: наши нижние девяносто ждут приключений.

Наташка прыснула в кулачок и поспешила по ступенькам к распахнутой двери, где курил охранник. Завидев посети-

телей, он затушил сигарету и проводил девушек в зал.

По стенам ползли пятна света, и окна нарисованных на стенах небоскребов фосфоресцировали, будто настоящие. Посетителей в четверг было негусто, и половина столиков пустовала. Возле стойки девицы легкого поведения со скучающим видом тянули мартини из трубочек. На танцполе, стилизованном под подиум, под клубное «унц-унц-унц» две изрядно выпившие дамы виляли бедрами, оглаживали себя и стреляли глазами по сторонам в поисках кавалеров. Наташка завертела головой, оценивая обстановку, Марина зашагала к столику возле танцпола.

Ни одного приличного кавалера пока не наблюдалось. Но ничего, Наташка найдет, в кого влюбиться, она непривередливая. Наверняка ее заинтересуют вон те два коротко стриженных паренька. Или толстоватый дяденька в клетчатой рубашке – затюканный начальником и сварливой женой офисный планктон. Или мужчина средних лет в джинсах, оттопыривающихся на коленях, с головой гладкой, как кегельный шар, – решивший отдохнуть грузчик-экспедитор.

Марина отыскала взглядом еще пятерых мужчин: двое были близки к тому, чтоб улечься лицом в салат, двое воспринимались скорее как детали интерьера, пятому вряд ли минуло двадцать. Зато конкуренток было в изобилии, что нимало не расстроило Наталью.

Подошел официант – светловолосый, длинноносый паренек, похожий на кулика. Заказали шампанское, фруктовую

нарезку и мороженое.

Наклонившись, Наташа зашептала на ухо:

– Как тебе вон тот товарищ? – Она кивнула на лысого.

– Потерпи полтора часа: у мужчин активность начинается после часу ночи, проверено и доказано, может, кто дельный появится.

Едва принесли шампанское и разлили по бокалам, как Наташа заерзала на стуле:

– Танцевать хочу – не могу. Пойдем, а?

Марина вздохнула. Это называется «ты просто рядом посидишь».

– Давай лучше выпьем. За то, чтобы любовь приходила к нам, а не за нами.

– О да, отличный тост!

Дзенькнули, соприкасаясь, бокалы. На танцпол выполз мужчина незапоминающейся наружности, в серых джинсах, выцветшей синей рубашке и остроносых ботинках, начал выплясывать перед женщинами, размахивая руками, будто собрался падать.

– Ну пойдем, потанцуем, – канючила Наташка. – Мне одной стремно.

Марина мотнула головой:

– Не пойду, пока это тело там копошится.

Оправдание подействовало, и Наташка отстала, но вскоре поставили заезженную попсовую песенку, тело ретировалось, зато на танцпол рванули конкурентки.

– Пошла жара, – улыбнулась Марина.

Наташка схватила ее за руку и поволокла за собой. Отпираться не было смысла, и Марина решила, что раз фитнеса сегодня не получилось, она восполнит физнагрузку танцами. Благо это она умела очень и очень неплохо.

Танцевала Марина для себя, словно никто не смотрел на нее. От стробоскопа кружилась голова, из подобия пушки на голову сыпались блестящие конфетти и спирали из бумаги. Веселящаяся молодежь осыпала себя бумажным дождем. Наташка вертела бедрами, устраивала массированный обстрел глазами – кого-то да зацепит шальная пуля ее взгляда.

Когда заиграл медляк, Марина рванула за столик и отхлебнула из бокала, Наташку же пригласил лысый, и они топтались на танцполе, подруга выглядела счастливой. Вот и славненько, вечер удался, теперь можно и домой. Спать хотелось адски, веки смыкались сами собой, хоть за столом засыпай.

Только она откинулась на спинку дивана, чтоб вздремнуть, как подбежал официант с бутылкой шампанского и приунывшей розочкой.

– Это вам, просили передать, – проговорил он.

Марина округлила глаза:

– Кто?

Официант пригнулся и зашептал:

– Позади меня, столик с диванами у стены, там двое.

– Погодите открывать, выдохнется, – проговорила Марина, прищурилась, чтобы рассмотреть благодетелей.

Да, действительно, двое мужчин, но в полумраке не разглядеть ни их лиц, ни одежды. Лучше пока не принимать подарок – вдруг они окажутся стремными? Потом отделаться будет трудно.

Тем временем медленные танцы закончились, и Наташка вернулась, облизнулась, глядя на презент, разлила первую бутылку по бокалам:

– Он такой классный, Юрой зовут.

– Ну вот и хорошо. Видишь: любовь – заболевание излечимое.

Наташка повесила нос и приуныла – вспомнила своего ненаглядного. «Он такой классный» в ее исполнении Марина слышала сотню раз, только имена менялись. Протрезвев, Наташа понимала, что избранник ее далеко не классный, но сейчас, охваченная азартом охоты, она предпочитала не замечать досадных мелочей типа растянутых на коленях джинсов и отсутствия половины зубов.

– А кто нам бутылку купил?

Марина кивнула на тайных поклонников, Наташка застыла вполоборота, демонстрируя декольте. Правильно, пусть она отдувается.

Вскоре поклонники явили себя, и Марина возжелала врати в пол: это были типичные «братки»: оба стриженные под «площадку», круглолицые, один пониже и поплотнее, голо-

ва квадратная, плавно переходящая в плечи, не человек, а паска с ушами. Второй повыше, со сломанным носом.

Ну все, попали. Однако Наталья этого не понимала и искренне улыбалась обоим, а улыбка у нее открытая, манящая. Отбрыкиваться от таких бесполезно, отбиваться – тоже. Избавиться от них можно, только если давить их. Интеллектом.

– Девчонки, привет, – ощерился Паска-с-ушами. – Меня Ромчик зовут, а это, – он хлопнул приятеля по спине: – мой корефан Антоха. Мы это, типа, к вам.

– Отлично! – Марина хлопнула в ладоши. – Вы-то нам и нужны.

– Гыы, это... Мы рады. – Длинный плюхнулся рядом с Наташкой, Паска-с-ушами заподозрил подвох и сел подальше.

Главное – сделать лицо строгое-строгое, сложить губы трубочкой, как это делают гламурные чиксы, и презрения напустить побольше.

– Отдыхаем? – поинтересовался Антоха, развалившись на диванчике и приобняв Наташку.

– Да! – радостно кивнула она, и Марина наступила ей на ногу, нахмурилась – Наташка удивленно вскинула брови.

– Не совсем отдыхаем. Мы проводим социологическое исследование: средние показатели ай-кью посетителей клуба «Бастион». Вот у вас, молодые люди, какой ай-кью?

Паска-с-ушами покраснел и поскреб в затылке.

– Эээ... Сантиметров двадцать, наверное.

Наташка захохотала, закрыла лицо ладонями.

– Какие вы, – довольно прищурился Антоха. – А чем вы меряете? Гыы, линейкой?

– Между прочим, – Марина нравоучительно воздела перст, – ай-кью – это коэффициент интеллекта. Измеряется опросником, надо ответить на двести вопросов, по количеству правильных ответов и вычисляется коэффициент.

У благодетелей вытянулись лица. В темном переулке за такое унижение недолго было и по шее схлопотать, здесь же охранники бдели, да и свидетелей было многовато.

– Ну и тухните сами. – Паска ударил кулаком по столу, забрал подаренную бутылку и демонстративно зашагал к молоденьким блондинкам, где тотчас нашел взаимопонимание. Антоха засеменил за ним.

– Ты зачем так? – обиделась Наташка.

– Затем, чтобы потом тебя у них не отбивать. Ты посмотри на них!

Наташка вздохнула и побледнела. Дошло, слава богу!

Как только местная интеллигенция удалилась, на Наташку спикировал ее Юра, придвинул купленный для нее бокальчик шампанского. Наташка сразу расцвела, прильнула к ухажеру, и через минут десять они уже целовались. Лысик не казался опасным, и Марина решила, что больше не нужна подруге – пора ехать домой.

Самое смешное, Наташка, несмотря на вызывающее поведение, была динамо-машиной. Пофлиртовав и поцеловавшись, она всегда ехала домой. Одна.

Веселье шло полным ходом. Подвыпившая публика кишела на танцполе, куда периодически убегали Наташка и ее кавалер, им уже было все равно: под какую музыку плясать. Марина была до неприличия трезвой и ругала себя за то, что поддалась уговорам и теперь так бесполезно проводит время. Подперев голову рукой, она уставилась на темный силуэт бармена, смешивающего коктейли, и попыталась найти в происходящем позитив.

Во-первых, Наташка ожила, стала похожа на человека, а не на говорящую тень. Во-вторых, негодование вытеснило тягостные мысли об Оливии и профнепригодности. Ну и в-третьих, она самая привлекательная девушка в этом заведении, что, конечно же, поднимает самооценку. Если стереть с лица скучающее выражение да пойти выплясывать, улыбаясь всем подряд, то от кавалеров отбоя не будет.

Вот только радости от этого – никакой. Марина в свои двадцать с небольшим чувствовала себя старой и уставшей: ничего не радует, никто не вдохновляет. Ее мир превратился в пустыню, где бесконечные пески и такой зной, что даже вечером не стынет чай. Раньше она находила удовольствие от общения с друзьями, от выездов за город и диско-клубов, где охота всегда заканчивалась удачно. Теперь же, как старухе, ей хочется одного: спать.

Но и в этом был позитив: бездумно не расходуется ресурс, душевное тепло не растрачивается попусту, опять же, в душу никто не наплюет, никто не предаст. Любовь – болезнь,

как наркомания и алкоголизм, и тому есть биохимическое объяснение.

Во время дождей пустыня преобразается: раздвигая пласты песка, тянутся к солнцу ростки, все живое запрокидывает головы навстречу каплям, ручейки юркими ящерками зарываются в песок, и барханы пестреют цветами. А потом тучи истаивают, земля трескается, и воцаряется зной, лишь мают воспоминаниями далекие миражи, зовут повторить восхождение. Но не оазис впереди – все те же бесконечные пески.

Вернулась взмокшая, довольная Наташка, пригладила волну каштановых волос. Все-таки красивая она и искренняя, но, будь Марина мужчиной, ни за что на ней не женилась бы: она не знает, чего ей надо от жизни, но хочет, чтоб это знали другие.

– Наталик, пойду я, пожалуй...

Марина смолкла на полуслове, потому что мимо ее столика к барной стойке направился он.

Он выделялся из толпы, как породистый жеребец среди коротконогих беспородных кляч: и походкой, и одеждой, и статью. Незнакомец будто явился из мира благородных мужчин и прекраснейших женщин, его попросту не должно тут быть! Никого не замечая, он уселся возле стойки, небрежным жестом подозвал бармена.

– Ну еще немного, еще ведь даже часу ночи нет! – клячила Наташка.

– Ладно, – кивнула Марина, не сводя взгляда с незнакомца.

Дождавшись заказа, он опрокинул рюмку в рот и развернулся вполоборота. За тридцать, правильные черты лица, выдающиеся скулы, ямка на подбородке. Волосы чуть выше плеч – черные, с седыми прядками – аккуратно зачесаны назад. Когда Марина пригляделась к нему, ей показалось, что она где-то видела его раньше. Но где? Когда? Превосходная память на лица не позволила бы его забыть.

– Что случилось? – поинтересовалась Наташка и игриво толкнула в бок.

Марина помотала головой, понимая: пока не случилось, но вот-вот случится. Ее пустыня почувствовала дождь. Небо еще желто, еще нещадно палит солнце, но на горизонте уже собираются тучи, несущие животворящую влагу.

– Посмотри туда. – Марина кивнула на барную стойку, Наташка прищурилась.

– Ты в своем репертуаре. Это же сноб!

– Каждой твари по паре. Я тоже сноб.

– Давай же за это выпьем! – Наташка спешно разлила остатки шампанского по бокалам.

Не чувствуя вкуса, Марина пила и думала, что же заставило незнакомца прийти в злачное место. Поругался с женой? Потерял работу, или у него кто-то умер? Однозначно случилось что-то плохое, иначе не было бы на его лице этой отрешенности.

Ко второй рюмке незнакомец не притронулся. Да он ждет кого-то: постоянно косится на выход, сидит лицом к двери, чтоб видеть входящих. Наверняка свою женщину. Воображение нарисовало высокую ухоженную блондинку с фарфоровым личиком. Надо было раньше уходить, чтобы не видеть его и не расстраиваться.

Время тянулось, а дама незнакомца все не приходила. Марина сделала вывод, что мужчина не ждет кого-то, а выживает время, возможно, прячется: он с тревогой поглядывал на каждого входящего и украдкой косился на часы.

Больше не существовало Наташки и ее кавалера, танцующих людей, мерцающего света, был только незнакомец, вокруг которого мир сомкнулся кольцом. Как привлечь его внимание? Разве что танцем, но музыку ставили мерзкую, да и вряд ли он заметит Марину, раз озабочен другим. Но попробовать следует.

Прямо хоть иди и песню заказывай! К счастью, диджей одумался: зазвучала более-менее пристойная музыка, и Марина выпорхнула на танцпол.

Чтобы не выглядеть навязчивой, Марина облюбовала свободный угол подиума возле колонок. Тело тотчас вспомнило все, чему учили на танцах, и Марина закружилась, не стесняясь нестандартных движений.

Украдкой она поглядывала на незнакомца, но его взор был будто направлен в никуда. Вот же невезение! Все мужики пелятся, а этот равнодушен. Наташка называла таких

бесчувственными унитазами. И зачем пришел дразнить бедных женщин при таком дефиците достойных кавалеров? Вон проститутки тоже его заметили и придвинулись поближе.

Снова поставили медляк. Марина не спеша направилась к ступенькам, боковым зрением наблюдая за объектом. По спине прокатилась волна жара: он пристально смотрел на нее. Марина обернулась: почудилось. Игра света, помноженная на желаемое, равно действительное.

Пока она шла к столику, ее трижды пригласили на танец – все получили от ворот поворот. Расстроенная и злая, она плюхнулась на диванчик спиной к незнакомцу и залпом опустошила бокал, попыталась убедить себя, что ошиблась, мужчина с такими данными воспринимает женщин как расходный материал.

Хочешь быть расходным материалом, ковриком при входе в его квартиру? Нет? Тогда собирай вещи – и на выход. И забудь сегодняшний день-вечер-ночь, будто страшный сон.

Как назло, Наташка куда-то запропала, и на стуле висела ее сумочка. Не оставлять же ее без присмотра! Марина поймала себя на мысли, что все еще надеется на благосклонность незнакомца и ищет предлог, чтобы остаться подольше. Ну а вдруг?

Жутко хотелось посмотреть на него, но Марина не оборачивалась. Все на него смотрят, а она не будет. Появилась Наташка в сопровождении лысого кавалера. Таинственный незнакомец прошествовал мимо Марининого столика на вы-

ход и даже не обернулся.

Настроение испортилось окончательно. Безумно захотелось разреветься, но Марина, естественно, сдержалась. Ну что за блажь? Прямо как маленькая. Возьми себя в руки!

– Наташа, мне пора, – проговорила она, перекинула сумочку через плечо и встала.

– Мы еще потанцуем, – улыбнулась подруга, освободилась из объятий Юрия, подбежала, чмокнула в щеку: – Спасибо огромное! Ты мне жизнь спасла.

Марина подмигнула:

– За тобой должок.

– Договорились!

– Хорошо вам оттянуться.

Юрий махнул рукой на прощание и тотчас потерял к Марине интерес. Изо всех сил сохраняя равнодушный вид, Марина направилась к выходу. Посетила туалет, причесалась, посмотрела на себя в зеркало. Теперь она казалась себе пугалом: нос можно было и поменьше, губы – пополнее и лицо не такое квадратное.

Спать, спать, скорее спать!

Спускаясь по ступенькам на тротуар, возле которого рядком припарковались машины, она достала мобильный и принялась искать в телефонной книге номер такси.

– Дэушка, дэушка, ты мнэ звонишь? – Из припаркованного у ступеней «Лексуса» вылез коротконогий носатый мужчинка – Марина шарахнулась. В салоне машины захохотали.

– Нэ бойся, иди к нам вино пить. – Он услужливо распахнул дверцу, сверкнул золотым зубом.

– Не хочу, – буркнула Марина и побежала прочь.

Как назло, было занято. Придется отойти до перекрестка, где старые дома и витрины, и вызвать такси туда. Здесь находиться небезопасно.

Вслед донеслось:

– Падажди, красивый! – «Лексус» заурчал мотором, и Марина свернула в узкий проулок, где был сквозной проход, но въезд преграждал шлагбаум.

И тут навстречу из темноты выступила тень. Марина всплеснула руками и выронила телефон. Свет фонаря мазнул по лицу незнакомца, и она узнала сосредоточенное лицо красавчика из клуба. Синеватый свет делал его потусторонним.

Закрыв рот Марины рукой и прижав ее к стене, он прошептал:

– Помоги мне. За мной гонятся. Я не причиню тебе зла и отблагодарю. Сейчас я уберу руку, только не кричи.

Марина кивнула, и он тотчас закрыл ее рот поцелуем. Ошарашенная, она забыла все, чему учили на курсах самообороны. Какой там врезать в пах или ткнуть в глаза! Пошевелиться трудно.

Мало того, ей нравилось происходящее, его требовательные губы, язык, коснувшийся края зубов. Рука, раздвинувшая ноги и закинувшая ее ногу на бедро.

– Тише, – шептал он, покрывая ее шею поцелуями. – Все хорошо.

Марина понемногу начала приходить в себя. Бить или не бить, вот в чем вопрос. С одной стороны, надо бы – ну что за хамство? А с другой, как сладко кружится голова. И вряд ли это закончится изнасилованием.

Пока она размышляла, в переулок завернул человек, направил ей в лицо фонарь – Марина прищурилась, отмечая, что незнакомец напрягся и сжал ее бедро до боли.

– Извините, – пробурчал неизвестный с фонарем.

– Что там? У меня чисто, – прокричали ему.

– Да это... Молодежь того... Как в воду канул!

Голоса начали отдаляться. Незнакомец зарылся лицом в ее волосы, шумно дыша в ухо, лизнул шею и отстранился. О, до чего же хотелось, чтобы он продолжал!

Марина вздохнула и поправила перекошенную блузку, посмотрела на него снизу вверх: высокий, на полторы головы выше, плечистый. Красивый, как бог. Идеальный.

– Ты меня спасла, – шепнул он, поглядывая на выход из переулочка. – Чего ты хочешь?

– Оу, надо же, вторую жизнь сегодня спасаю. Хочу квартиру в центре и «Мозератти», – не стала мелочиться она.

– Поговорим об этом позже. Все, что я могу сейчас, – пригласить тебя в одно замечательное место. Надеюсь, не откажешься.

Голова все еще кружилась. Там метались предположения:

почему он не убегает, что за место, он классный, неужели понравилась?

Теплая ладонь легла на плечо, властно развернула Марину.

– Идем, – проговорил он, взял ее за руку и повел за собой. – В конце улицы за углом – ресторан «Филин». Приятная атмосфера, отличная кухня, блюз. Меня зовут Артур, и можно сразу на «ты».

– Почему бы и нет? – Марина представилась и попыталась эффектно улыбнуться.

Сначала поцеловались, потом познакомились! Странно, как в кино.

– Кто эти люди? – не сдержала любопытства Марина. – От кого ты скрываешься?

– Не важно, поверь, теперь – не важно, – проговорил он мечтательно, завел за остроконечное ухо прядь волос.

Имя-то как ему подходит! Артур согнул руку, предлагая взять его под локоть, что Марина сделала с превеликим удовольствием.

Над пустыней грохотало наполненное дождем небо. Ощущая близость Артура, Марина больше всего на свете боялась, что он, хотя не принадлежит ей, когда-нибудь исчезнет из ее жизни, как исчезает все желанное.

Здравый смысл трепыхался и вопил: «Опасность! Опасность! В крови обнаружен затуманивающий рассудок гормон!», но Марина не слушала его, благодарно растворяясь в

забытом ощущении окрыленности.

В черных витринах плыло два силуэта: невысокая кудрявая шатенка и задумчивый мужчина, украдкой поглядывающий по сторонам. Его волосы теребил ночной ветер, теплый и живой, какой часто бывает в конце лета. Над уснувшим городом плыла луна и топила в серебре тусклый золотистый свет фонарей.

Марина согласна была бродить так до самого утра, лишь бы снова дышать полной грудью и чувствовать себя живой.

* * *

Ресторан назывался Feeling и находился в подвале. Над дубовой дверью, украшенной художественной ковкой, на стальном шесте сидел железный филин с оранжевыми лампами глаз.

Артур сунул пластиковую карту в принимающее отверстие, и дверь распахнулась. По ступеням сбежали вниз, Марина отметила, что факелы, развешанные вдоль закопченных стен, как настоящие.

Деревянные столики располагались внутри кабинок-стволов, входы занавешивали веревки, сплетенные в виде паутины.

На возвышении, исполненном в виде замшелой кочки, седовласый гитарист играл на гитаре. Медиатор порхал в его руке так быстро, что казалось, это бабочка машет крыльями.

Даже официанты здесь были солидными и больше напоминали дворецких у состоятельных господ. Дяденька под пятьдесят, в смокинге и с бабочкой, отодвинул стул-трон перед Мариной, и она уселась на подушку, положил меню в кожаном переплете и отступил, дожидаясь заказа.

Из двенадцати кабинок была занята еще одна, возле нее топталось два мордоворота со скучающими лицами – по всему видно, телохранители.

Марина посмотрела на цены и округлила глаза, заказала себе двести граммов белого сухого вина. Заметив, что избанница стесняется объедать его, Артур улыбнулся, подозвал официанта и проговорил:

– Две порции мяса с овощами, пожаренного на мангале, бутылку вина, вот этого, – он ткнул в меню. – И сырную нарезку, какую я брал в прошлый раз.

– Но я не голодна... – попыталась возразить Марина, на что Артур поднял руку.

– Знаю, знаю, девушкам есть на ночь вредно. Но, поверь, один раз можно. Аппетит придет во время еды. Обещаю.

Марина зарабатывала достаточно и позволяла себе многое из того, что другим было не по карману, теперь она ощутила себя Золушкой на балу. Артур же бывал здесь не раз.

Официант принес вино, разлил по бокалам, Артур поднял свой левой рукой. Обручального кольца на пальце не было, зато средний палец украшала золотая печатка: в середине большого круга – круг поменьше из белого золота, от него,

как от солнца, разбегаются лучи.

Он перестал нервничать и озираться. Значит, здесь он в безопасности. Но почему сразу сюда не пошел? Почему полицию не вызвал? Темная история.

– Здесь мои друзья, – проговорил он, будто прочел ее мысли. – Я не мог их подставить. Все, больше ничего не скажу. Давай выпьем за знакомство. – Он приподнял уголки губ и посмотрел так, что Марину бросило в жар. Если бы восковая свеча была живой, она примерно так же чувствовала бы приближающийся по фитилю огонь.

Дзынь!

– Марина, – проговорил Артур мечтательно. – Имя значит морская. Меня море пугает, я его не понимаю. Все время в движении. Даже, когда штиль, под мнимым спокойствием – течение. – Он накрыл ладонью руку Марины – она вздрогнула, будто между ними пробежал электрический разряд. – Родители правильно тебя назвали. Тоскуешь без моря?

Он перевернул руку Марины и провел пальцем по ладони. Закружилась голова.

– Тоскую, – прошептала она, понимая, что голос предательски охрип. – Начальник не подписал отпуск в августе, придется ехать в ноябре.

Не получится флиртовать, отметила она. Надо учиться владеть собой. Наверняка все на лице написано, а мужчины не ценят доступных женщин.

Стиснув зубы, она освободила руку, взяла бокал, отхлеб-

нула, не отводя взгляда. Артур смотрел чуть насмешливо, но с интересом.

– Здесь все великолепно, – сказала она уже смелее. – Особенно музыкант. Давай выпьем за это место.

Осушив бокал, Артур промокнул губы салфеткой.

– Его зовут Михаил. Михаил Кречет – слышала о таком?

– Нет, – честно призналась Марина.

– Пятнадцать лет назад он создал рок-группу «Бриз». Как видишь, он очень талантлив. Но не умеет сглаживать углы. В итоге детище отторгло его, а группу переименовали в «Альтаир».

– Обалдеть! – Марина не сдержала эмоций. – Тот самый «Альтаир»?

– Да-да, именно тот. Миха запил, покатился по наклонной... А теперь очутился здесь, взял себя в руки.

– Готовый репортаж. Думаешь, он не откажется дать интервью?

Артур пожал плечами.

– Плохая у тебя работа. Вообще все проблемы человечества от того, что люди слишком много болтают, засоряют эфир и барахтаются в этой каше. Если это важно для тебя, поговорю с ним позже, спрошу. – Он будто заскучал и сменил тему. – Расскажи, что привело тебя в «Бастаион»? Ты там откровенно скучала.

– А если отвечу вопросом на вопрос? Я подругу выгуливала, у нее личная трагедия. А вот что там делал ты? От кого

скрывался?

Артур нагнулся над столом и прошептал:

– Из-за меня у тебя могут быть неприятности.

Мастерски интригу плетет.

– Меня они не пугают.

Артур тягостно вздохнул и откинулся на спинку стула, будто Марина сказала что-то обидное, обескураживающее. Принесли горячее, Артур приступил к трапезе, а Марине кусок в горло не лез. Она что-то проглядела, и знакомство пошло не так. Ощущение было, будто она играет в чужую игру, не зная правил. Артур использует ее в своих, только ему понятных целях.

А если он маньяк?

Нет, вряд ли. Скорее всего у него просто нелады с законом. Или с мафией. Уймись, паранойя! Почему бы интересному мужчине не познакомиться с привлекательной девушкой? Второе «я» шепнуло: «Для взаимного удовольствия», и Марина с ним согласилась. Даже если так, ну и что? Она – девушка взрослая, свободная, а приличные мужчины встречаются редко.

Артур же не только чертовски привлекателен внешне, в нем чувствуется глубина, куда хочется падать, и падать, и падать, зажавшись и затаив дыхание. Марина и предположить не могла, о чем он думает, на что рассчитывает, и это интриговало еще больше: узнать, постичь, принять чуждое.

Было одно «но»: каждый раз, достигнув дна, она теряла

интерес к человеку. Теперь же перед ней будто разверзлась бездна.

Неторопливо прикончив запоздалый ужин, Артур отложил нож и вилку на огромный, в полтарелки, лист салата.

– Очень вкусно, – сказала Марина.

Может, так оно и есть, но сейчас ей было не до еды. Если не самый лучший, то один из сотни лучших мужчин мира обратил на нее внимание. Марина никогда не страдала комплексом неполноценности, всячески старалась совершенствоваться, но о том, что на нее клюнет благородный дон, который к тому же олигарх или около того, она даже не мечтала. Пусть счастье не продлится долго, но останутся бриллианты воспоминаний.

А вдруг продлится?

Инстинкт размножения, прошитый в подкорке каждого человека, радостно завопил: «Да-да-да! Поженимся, родим ребенка, заживем счастливо и умрем в один день», но Марина прихлопнула его, как назойливую муху. Лучше рассчитывать на худшее – не будет разочарований.

Но все-таки хотелось сыграть по-крупному, попытаться заинтересовать Артура, но чем? Наверняка счет его женщин перевалил за тысячу, и через пару месяцев он ее не вспомнит. А так хотелось, чтобы вспомнил!

Принесли счет в маленькой деревянной шкатулке, Артур расплатился, встал, помог подняться Марине, поинтересовался:

– Какие у тебя планы?

Сказать, что никаких – поехать к нему домой и очутиться в архиве. Если сбежать к себе – с вероятностью девяносто девять процентов лишиться себя удовольствия и опять-таки оказаться в архиве. И лишь один процент из ста, что он упадет на строптивую женщину, коих в его жизни мало. Ему достаточно щелкнуть пальцами, и выстроится очередь желающих покувыркаться в его постели.

– Мне завтра с утра на работу, – вздохнула она.

– Я отвезу тебя домой, – сказал он, пропуская ее вперед. Швейцар открыл перед ней входную дверь.

– Ты же пил, тебе нельзя за руль.

– Можно. Я не пьянею. А с патрулем, если что, договорюсь.

Марина не сдержала радости:

– Ура! Я живу недалеко, в пяти кварталах отсюда. – Она назвала адрес.

Артур мог оставить денег на такси и номер телефона, как обычно делают заинтересованные мужчины. Но он хотел подольше побыть с Мариной, теперь это было ясно. Неужели правда запал? Так здорово, что аж верить страшно, разум невольно ищет подвох.

Прошли до перекрестка, где светофор мигал желтым и проносились такси с горящими шашечками, и Артур положил ладони на плечи Марины:

– Подожди меня здесь, пригоню машину.

Озираясь по сторонам, он зашагал прочь, отбрасывая сразу две тени – одну лунную, вторую – от фонаря. Опять загадки, таинственность напускная. К чему это? Или он и правда от кого-то скрывается? Дойдя до следующего перекрестка, Артур свернул направо и исчез из поля зрения.

А если он не вернется? Сядет за руль и укатит? Нахлынуло отчаяние, как если бы у нее отнимали что-то важное, родное.

Вдалеке заурчал мотор, и, резанув по глазам дальним светом, на полупустую дорогу со двора вырулил внедорожник. И одновременно к Марине, одиноко стоящей у обочины, спикировал наряд в количестве трех полицейских.

– Работаем, гражданочка? – поинтересовался молодой лейтенант. Судя по масляному взгляду, он не прочь был воспользоваться ее услугами.

Марина оторопела, пришла в себя и напустилась на него:

– Я похожа на проститутку? Да вы посмотрите на меня! Разве проститутки так одеваются?

– Документики, пожалуйста, – настаивал на своем летеха.

Марина поджала губы и протянула удостоверение журналиста.

– Я жду своего мужчину, ногу натерла, идти до машины не могу, а вы ко мне пристаёте с непристойностями!

Внедорожник Артура (это был «Мицубиси Паджеро») остановился на перекрестке, включилась аварийка.

– Марина, что происходит? – поинтересовался он, спрыгивая на землю и направляясь к ней.

– Да вот, полиция пытается меня привлечь за проституцию.

Лицо Артура окаменело, он навис над летехой и проговорил голосом холодным, как лезвие ножа:

– Предъявите, пожалуйста, ваши удостоверения.

А дальше происходило странное: полицейские втянули головы в плечи, извинились и ретировались побитыми псами, что было им, мягко говоря, несвойственно. Выводов напрашивалось несколько: или они знали Артура и побаивались, значит, его преследовали не полицейские, или попросту почуяли в нем более сильного хищника.

– Спасибо, ты меня спас, – улыбнулась Марина, садясь на сиденье рядом с водительским. – Мы квиты.

– Не считается, ты же из-за меня у дороги стояла. – Он повернул ключи зажигания – зарычал мотор, и автомобиль, набирая скорость, покати по улице. – Да и ты девушка самодостаточная. Уверен, сама бы вышла из ситуации.

Вскоре вырулили на проспект, по которому Марина частенько возвращалась домой с работы, свернули в незнакомый узкий темный переулок, и сердце ухнуло в пятки.

– Куда мы едем? – прошептала она, вцепилась в подлокотники и заозиралась, думая, как спастись бегством.

На ходу выпрыгивать? А если двери заблокированы?

– Не переживай, я просто хочу показать тебе сказочное место. Это займет минут пятнадцать, но, уверен, ты оценишь.

Почему-то Марина поверила ему и успокоилась, позволила течению событий нести себя. Этот район освещался плохо, свет фар то и дело выхватывал то кусок дороги с выбоинами, то торец хрущевки. А вдалеке, озаренные прожекторами, высились скелеты многоэтажных недостроев.

– Район под снос, – прокомментировал Артур. – Еще год-другой, и всех переселят.

– Уныло, как на кладбище, – вздохнула Марина.

– Подожди. Недолго осталось.

Остановились на пустыре возле нежилой пятиэтажки, пятна фар уперлись в жестяной забор, изрисованный граффити. Марина вжалась в сиденье. Следовало настоять, чтоб ехали домой. Это ж надо: ладно, дурочка по малолетству позволяет себя завести бог знает куда, но она-то... И ведь стыдно сейчас требовать, это будет смотреться как истерика. А если он правда не хочет ничего эдакого?

А вдруг он там людей режет? Странно это. Только спасался от кого-то, теперь же забыл об опасности. Или на сто процентов уверен, что ее нет?

– Пожалуй, я останусь в салоне, – проговорила она.

Артур достал из бардачка фонарик, глянул с пониманием.

– Тогда просто издали посмотришь.

Не закрывая дверцы, он потопал к нарисованному на воротах солнцу и со скрежетом распахнул створки, сел за руль и въехал на стройку – мусор и битое стекло захрустели под колесами.

Заглушил мотор, выключил фары, и Марина наконец увидела обнесенный жостью дом под снос. Не дом даже – терем с остроконечными башенками, резными балконами и распахнутыми ставнями. Зацепившись за флюгер – резной медный петух, висела луна, серебрила черепицу, дробилась витражами.

– Ух ты, – выдохнула Марина. – Как он до сих пор уцелел?

– Идет суд. Пытаемся продавить, что это памятник архитектуры.

Дом отбрасывал черную тень на дворик с остатками фонтана, где обнаженная женщина с фигурой Венеры опрокинула амфору, откуда когда-то текла вода в распахнутый рот лежащего у ног сатира.

Казалось, что этот дом – константа в переменчивом мире, здесь стихает ветер, останавливается время и призраки прошлого движутся за черными стеклами. Если и есть у города душа, она живет именно тут, разрушь дом – рухнет само мироздание.

Марина перевела взгляд на Артура, он внимательно следил за ней.

– Вижу, что ты поняла. Хочешь внутрь?

– Да, – уронила она.

Дверь со скрипом отворилась. Просторный холл освещала луна, и фонарик включать не стали. Мимо камина по скрипучему паркету поднялись на винтовую лестницу.

– Первые упоминания этого дома датируются пятнадца-

тым веком. Здесь была гостиница. Потом жили графы Шейны. В прошлом веке тут сделали детский дом, затем терем долго стоял закрытым, пока место не заинтересовало небезызвестного застройщика.

Миновав каминный зал на третьем этаже, взобрались в одну из башен и остановились на балкончике. Деревянные ступени прогибались под ногами, дом вздыхал сквозняком, поскрипывал перекрытиями и ставнями.

На мгновение показалось, что ткань мироздания треснула, зажурчала вода в фонтане и вдалеке проехала карета, зацокали копыта по мостовой... Марина мотнула головой: нет, почудилось. Вон стоит «Мицубиси» Артура, мраморная женщина застыла с опустевшей амфорой.

Руки Артура легли на талию, и он прижал Марину к себе, уткнулся в ее волосы. Сердце забилось часто и гулко, по телу разлился жар, и ноги подкосились.

– Господи, как хорошо, – не желая того, проговорила Марина. Артур развернул ее лицом к себе, собрал в пучок волосы на затылке и чуть запрокинул ее голову, погладил по щеке, провел по губам.

– Ты красивая. Если бы ты видела, какая ты красивая!

Марина встала на цыпочки и потянулась навстречу, закрыла глаза, коснувшись его губ, и потеряла контроль. Он целовался властно, но нежно. Прерываясь, покрывал поцелуями веки, щеки, лоб. Нагнувшись, укусил за ухо, и с губ сам собой сорвался стон.

Артур снова развернул ее спиной к себе и принялся расстегивать молнию на брюках.

– Не здесь, – прохрипела она, остатками разума отмечая, что просто соблюдает приличия. Если даже здесь и сейчас, она не будет сопротивляться. Напротив, хотелось здесь и сейчас, но вбитые в голову нормы, что неприлично отдаваться первому встречному, заявляли свои права.

– Ты ведь хочешь меня, – прошептал Артур в самое ухо. Да, чувствовать его каждой клеточкой. Отдаваться, растворяться в нем без остатка, и чтоб его руки касались тела, стискивали грудь, проникали в самые потаенные уголки.

– Не тут, – повторила она, и Артур отстранился.

Сразу такая пустота накатила, такая безнадежность, что захотелось самой на него наброситься, царапаться, кусаться, валяться по полу, усыпанному штукатуркой, сбивать колени и локти в кровь.

Задышавшись, она проговорила:

– Поехали к тебе. Или ко мне.

Артур кивнул, взял ее за руку и повел за собой. Даже старинный терем перестал существовать, остался лишь силуэт Артура и его сильные пальцы, сжимающие запястье.

Марина понимала, что пропала, и, даже если прикажет себе, не сможет, не посмеет убежать, потому что впервые в жизни она захлебывалась страстью. Страсть несла ее, как цунами, позволяя лишь изредка вынырнуть, чтоб хлебнуть воздуха. Да, в ее жизни были влюбленности, даже вождение

было, но разве волнение водохранилища сравнится с волной, накатывающий на берег океана? Разве сквозняк похож на ветер, что оглаживает горные вершины?

Салон машины. Прохладное сиденье. Свет мазнул по незапертым воротам. Кошка шарахнулась в темноту.

Дорога, покрытая выбоинами, и мертвые пятиэтажки с черными стеклами. Рука Артура сжимает коленку, переключает передачу и ложится на бедро. Хочется ее еще выше, но Артур соблюдает приличия, а Марина млеет, и нет ничего в мире, желаннее единственного человека.

Вот собственный дом. Автомобиль кружит по двору – Артур ищет, где бы припарковаться. Кровь пульсирует в висках, в низу живота горячо от сладкого предвкушения.

Пришлось выезжать на тротуар и там останавливаться. Артур заглушил мотор и выключил фары, повернулся к неподвижной Марине, которая понимала, что пропала, что ось ее мира накренилась и ничего уже не будет по-прежнему. Потому она не спешила, оттягивала неизбежность, плавила под его взглядом.

Артур покинул салон, открыл перед ней дверцу, взял за руку и потянул к себе.

– Не бойся.

– Я не...

Едва ноги коснулись земли, Артур привлек ее к себе, огладил спину, потом оттолкнул, не выпуская запястья.

– Идем.

– Да.

Автопилот повел ее вдоль молоденьких лип, вдоль песочницы, где блестел игрушечный перевернутый бульдозер, мимо желто-зеленых лавочек к подъезду на кодовом замке. Марина впервые в жизни возрадовалась, что в доме нет консьержа.

Вспомнилось платье, небрежно брошенное на кровать, и недопитая чашка кофе на полу. Но неловкость улетучилась, едва Марина ввела код, и дверь подъезда, мигнув красным огоньком, распахнулась.

Держась за руки, взбежали на четвертый этаж, и Марина непослушными пальцами достала из сумочки ключ.

Щелкнул замок.

Едва переступив порог, Артур прижал Марину к стене и погладил по щеке, она потерлась о его ладонь и зажмурилась. Сон... какой удивительный сон!

Артур медленно, одну за другой, расстегнул пуговицы на блузке, опустился на колени, ужалил языком в пупок, провел вверх, до ложбинки между ключицами – Марина застонала, зарылась пальцами в его волосы.

А потом потолок метнулся навстречу – Артур подхватил ее на руки, толкнул дверь в спальню, опустил Марину на кровать, не замечая неубранное платье. Руки нырнули под его футболку, подняли ее, отшвырнули прочь.

До чего же он великолепен! Даже черные волосы на груди, которые у большинства мужчин растут неопрятными кло-

чьями, у него уместны и эстетически привлекательны. Если и существует бог, то Артур точно создан по его образу и подобию.

Он не походил на перекачанного бодибилдера, не казался массивным, но в нем чувствовалась сила. Марина залюбовалась фигурой Артура: широкий в плечах, с развитыми мышцами, кубиками пресса. Руки скользнули на его бедра: мускулистые, твердые. Ни единой лишней капли жира.

На пол упали брюки – звякнув, покатилась выпавшая из кармана мелочь. Белые кружевные трусики повисли на стуле флагом капитуляции. На мгновение Марина почувствовала странное: будто она перед Артуром не только без одежды, но и без кожи, еще есть шанс уцелеть, но он проговорил:

– Ты такая нежная, – поцеловал сосок, сжал его губами – Марина выгнулась. – Как арфа, отзываешься на каждое прикосновение.

Тревога отхлынула. Осталось сладкое томление, желание принять его, чтобы он наполнил ее смыслом, как вода наполняет сосуд, как, вращая механизм, проникают друг в друга зубчики шестеренок.

Скрипнула кровать – Артур сел, стянул трусы и, опираясь на локти, чтобы Марине не было тяжело, улегся сверху. Прижаться к нему, раствориться в нем, вывернуться наизнанку.

Лицо к лицу. Глаза в глаза. Больше ничего не существует – только его лицо, только его темно-карие глаза в желтую крапинку. Его дыхание. Удары его сердца...

Перевернувшись на бок, он провел ладонью вверх по бедру. Надавил на низ живота, скользнул ниже, и Марина захлебнулась собственным дыханием.

Его член прижимался к ноге Марины, и, казалось, будто он очень горячий, куда горячее всего тела.

Пальцы ласково раздвинули сокровенные складки. Марина почувствовала, как внутри все запульсировало – мучительно и сладко, в ожидании близости.

Артур, не переставая гладить, поцеловал Марину. Он не делал попыток целовать ниже пояса – и хорошо, у многих мужчин недостаточно такта, и они зарываются лицом в промежность на первом же свидании, не подозревая, что партнерше может быть неудобно и стыдно.

Ничего стыдного не было. Тело Марины отзывалось на его движения, и при этом ею овладела странная слабость, не позволяющая проявлять инициативу. Она извивалась и стонала, мечтая об одном: чтобы Артур вошел и заполнил ее полностью.

Артур снова улегся сверху, отвел руки Марины в стороны, прижал к постели и проговорил:

– Девочка моя... Тебе из-за меня может быть больно, я плохой человек...

– Молчи, – прохрипела она.

– Я должен предупредить...

Марина поднялась и закрыла его рот поцелуем.

– Плевать, – проговорила она, отстранившись.

– Тогда не жалуйся, – плотоядно улыбнулся он, раздвинул ее ноги и вошел рывком.

В глазах потемнело. Казалось, мир пульсирует медленно, ускоряется, замирает, заставляя Марину двигаться навстречу, выгибаться, вскрикивать.

А потом дыхание перехватило, и наступила темнота. Марина ощутила, будто внутри нее рождается солнце, неудержимо катится к горизонту, лижет лучами небо, а потом взрывается, поднимаясь и заливая светом холмы, и леса, и синие ленты рек, и улыбающиеся лица.

Новая вспышка скользит по стеклам домов, отражается крылом самолета, золотит края облаков.

Теплый свет разливается по миру, искры качаются на серебристых волосах ковыля, мерцают в зрачках парящей чайки.

Видения блекнут и вскоре гаснут. Марина понемногу начинает осознавать себя. Легкие прикосновения – это Артур целует веки, щеки, лоб. Его волосы свешиваются и щекочут лицо. Ликующая пустота повсюду. Кажется, что каждая клеточка тела звенит, наполненная светом.

– Это было волшебно, – прошептала она.

Артур лег на бок, положив ладонь ей на живот. Обессиленная Марина с удивлением отметила, что снова хочет его. Хочет, но не в силах пошевелиться. Артур сгреб ее в объятия, зарылся лицом в волосы и проговорил:

– Спокойной ночи.

Не привыкшая спать с кем-то, Марина проснулась перед рассветом. Все еще не веря в происходящее, она осторожно откинула одеяло, погладила Артура, спящего на спине, по груди – жесткие завитки волос защекотали пальцы.

Прижавшись к его боку, она мирно засопела, а когда проснулась, никого рядом не оказалось. За окном чирикали воробьи и хохотали дети, золотое пятно солнечного света трепетало на потолке.

Приснилось? Марина поднялась на локтях, осмотрела скомканную простыню, взяла несколько жестких черных волос. Нет. Но где Артур? Принимает душ? Нет, в ванной тихо. Заваривает кофе? Тоже вряд ли.

Неужели ушел? Марина вскочила, заметалась по комнате, споткнулась о валяющиеся на полу брюки, схватила за стол и заметила записку, где ее любимой золотисто-розовой помадой был написан телефонный номер.

Ушел, не попрощавшись. Разве так поступают? Здравый смысл проворчал, что подобные Артуру – еще как поступают. Подумаешь, еще одну восторженную дурочку осчастливил, а сколько их, несчастливленных, по миру ходит? Вспомнился стишок:

Петя ласковый и трепетный, только – с каждой,
Любит секс в горах Тибета и секс на пляже.
Хочешь быть в архиве Петиных клевых фоток?

Возникло желание изорвать записку и выбросить в мусорное ведро, пострадать денек-другой над нереализованными мечтаниями да успокоиться. В конце концов, есть у нее собственное достоинство или нет? Однако позвонить, нет, написать сообщение хотелось сильнее, причем прямо сейчас. А потом, затаив дыхание, ждать, когда же он ответит. Или слушать протяжные гудки, успокаивая щемящее сердце. Наслаждаться эмоциями, как девочка-подросток, открывшая для себя мир взрослых переживаний.

Казалось, будто от ее души отрезали огромный кусок, и теперь надо любым способом его вернуть. А если написать ему?

Терзаясь сомнениями, Марина протопала в кухню, случайно бросила взгляд на часы и оторопела: было полтретьего дня. Возле чашки с остатками кофе обнаружилась еще одна записка: «Ну ты и соня. Не смог тебя разбудить, уж извини».

Черт! А на работе надо быть в десять! Тампошка сожрет, просто растерзает! И что теперь делать? Срочно брать больничный?

Залился трелью телефонный звонок, Марина открыла сумку. На экране мобильного высвечивалось: главред. О, боже-боже! С замирающим сердцем она прохрипела:

– Алло.

² Стихотворение Юлии Соломоновой.

– Кнышева, в чем дело, хотелось бы мне знать? – проворчал он. – Почему от тебя ни слуху ни духу?

Оправдание нашлось само собой.

– Я снотворное выпила, чтоб успокоиться после вчерашнего. И вот, ни будильника не слышала, ничего.

– Восемь раз... Я звонил тебе восемь раз, это – девятый! И что с тобой делать? Премии лишать?

– Казнить нельзя, помиловать, – сказала она. – Лучше ограничимся устным выговором без занесения в личное дело.

– Так уж и быть, – сменил Тампоша гнев на милость. – Но в первый и последний раз и только за заслуги перед Родиной. Чтоб через полчаса была у меня в кабинете. Время пошло.

– Ах ты ж! – воскликнула Марина и тотчас вызвала такси. До офиса было десять минут езды, если не вляпаться в пробку и если машина не задержится. Наспех приняв ледяной душ, Марина подняла с пола брюки, взяла блузку, прижала к лицу – она пахла духами Артура, содранной древесной корой.

Всю дорогу она думала не о грядущем нагоняе от Тампошки и не о материале, который обещала сдать в обед, а о забытой записке с номером телефона. С одной стороны, хорошо, что она его оставила, не будет соблазна позвонить Артуру слишком быстро, с другой – тягостно. Она закрыла глаза: удивительное дело, цифры, написанные помадой, прочно въелись в память, и Марина помнила номер Артура.

Достала свой телефон, подержала его в руке и спрятала: а вдруг неправильно запомнила, и сообщение придет какому-нибудь сантехнику Васе?

Издательство занимало половину шестого этажа новенького офисного здания.

У выхода Марина столкнулась с приятным блондином, на которого обязательно обратила бы внимание, если бы не познакомилась с Артуром.

Блондин буркнул извинение и зашагал к машинам. Марину что-то будто заставило обернуться, проводить его взглядом. Странное чувство, которое она не могла осмыслить. И вдруг блондин тоже обернулся, расправил плечи, просканировал Марину взглядом и рванул к ней:

– Стойте, пожалуйста, подождите! – Она остановилась, блондин взял под руку, заглянул в глаза так, будто пытался что-то там прочесть. Прочел и посмурнел. – Давайте отойдем, – сказал он уже без энтузиазма.

Что это с ним? Обознался?

– Вы кто и что вам нужно? – Она отступила на шаг.

– Ян Серганов, частный сыск, – представился он, вынул удостоверение и поднес к глазам.

Вроде нормальное удостоверение. Развелось сомнительных контор, как блох на собаке.

– Извините, я очень спешу. Вы по поводу Оливии?

– Нет, – он принялся рыться в борсетке, говоря: – Я очень прошу ответить честно, от этого зависит и ваша судьба. Вы

видели этого человека?

С фотографии, прищурившись, на нее смотрел Артур.

Так, не пучить глаза, вести себя естественно. Откуда он знает, что они встречались? Или это он вчера ночью светил в лицо фонариком? Точно, вот гад!

– Его в чем-то обвиняют? – ответила Марина вопросом на вопрос.

– Так вы встречались, – кивнул блондин. – Это, конечно, вряд ли, но... Могу я рассчитывать на ваше сотрудничество?

– Нет. Извините, я спешу. – Марина начала спускаться по ступенькам, блондин увязался за ней.

– Это опасный человек, не советую вам с ним связываться.

– Слушайте, ну детсад, ей-богу. Вы даже обвинение ему не выдвинули, а меня страшаете. Не знаю я, где его искать, а знала бы, не сказала. Уж очень вы странно себя ведете.

Блондин вздохнул с искренним сожалением.

– Жаль. Видимо, я опоздал. – Он открыл рот, но хлебнул воздух, как вынутая из воды рыба, мотнул головой и протянул Марине визитку. – Возьмите, пожалуйста. Если вдруг... – Он снова смешно открыл рот. – В общем, позвоните.

– До свидания. – Марина бросила визитку в сумочку, дежурно улыбнулась и рванула в офисное здание.

Ввела код и ступила на зеленую ковровую дорожку. Миновала кабинет, где помимо нее работали гламурная Кристина и свой парень Танюха, постучала в желтую дверь Тампошки.

Раздолбеж, конечно, неприятен, но далеко не смертелен.

Ощущая нездоровый, горячечный азарт, Марина распахнула дверь. Тампошка восседал за дубовым столом, неодобрительно сверкал стеклами очков, стучал ручкой по столу.

– Здрасьте, – улыбнулась Марина, усаживаясь на стул напротив главреда. – Извините, но попытайтесь войти в мое положение. Вот представьте, вчера: дверь не закрыта, захожу я в квартиру, а там – труп. Потом оказалось, что Оливия жива, но все равно – стресс. Потом полиция полтора часа допрашивала – опять стресс. Так разволновалась, что уснуть не могла, позвонила маме, она у меня врач и посоветовала мягкое снотворное. – Марина пожала плечами. – А оно твердое. То есть жесткое.

Тампошка демонстративно посмотрел на часы:

– Ты в тридцать минут не уложились...

– Зато мой материал рвет топы. Когда у нас такое было в последний раз?

Тампошка отложил ручку и скрестил пальцы-шпикачки:

– Если ты думаешь, что теперь тебе все будет прощаться, то ты ошибаешься.

– Я на это не рассчитываю, – сказала Марина, сделав несчастный вид. – Такого больше не повторится, обещаю!

Главред решил сменить гнев на милость:

– Ох, пользуетесь вы моей добротой!

– Что вы! Вы же знаете, как я работаю.

– Да вот уже не знаю. Такая безответственность!

Марина захотела сказать: «Осознаю свою вину, меру, степень, глубину», но прикусила язык.

– Я попытаюсь выяснить, кто возлюбленный Оливии, сделаю еще сенсацию.

– Ты слегка опоздала, в этом направлении роют самые известные папарацци. Пока безрезультатно.

Марина воздела перст:

– Вот именно! Пойду я наверстывать упущенное, с вашего позволения.

– Это правильно. – Тампошка улыбнулся. – Кнышева, ты в курсе, что сегодня в «Космосе» вечеринка по случаю дня рождения президента «Микротеха»?

Марина мотнула головой. В «Космосе» она не была ни разу. Наверное, там и Артур не был – статусное, пафосное заведение, где отдыхают звезды. Вход туда только по клубным картам или по приглашению.

– Там будет много знаменитостей и всяких нужных людей. Я туда приглашен. Не хочешь составить компанию?

– В рамках рабочего визита?

– Что ты, Марина. Расслабиться. С людьми поговорить.

В «Космос» стоило сходить только ради того, чтобы вывесить фотографии в конташечке и позлить Кристину. Но с другой стороны... Она представила себя, на голову возвышающуюся над круглым Тампошкой. Это все равно, что прийти любовницей одного из страшных «папиков», только еще более стыдно.

– Извините, но у меня другие планы, – улыбнулась она. – Я могу идти?

– Не смею задерживать. Но на твоём месте я подумал бы над предложением. В нашем деле необходимо обрести связями.

Воображение нарисовало сваю причала, обросшую мидиями, и Марина решила, что не пойдёт с Тампошкой только потому, что он не подписал заявление на отпуск в августе, и теперь она портит себе лето в бетонных джунглях.

– Спасибо за предложение. – Марина улыбнулась и зашагала прочь. – До свидания.

Скрипнула дверь в рабочий кабинет, и Танюха обернулась, продолжая стучать по клавишам ноутбука. Пилившая ноготь Кристина повернула голову и вскинула нарисованные брови.

На ней была белая блуза в чёрный горох, такая же юбка до колен и черно-белая косынка, связанная на лбу так, чтобы концы торчали, как рожки. Кристина – девушка модная, вот и цепляла на себя любые выкидыши современных дизайнеров, дабы не отстать. Марина предпочитала классику и считала, что уродом моды становиться не с руки. Танюхе же было плевать, кто и во что одет. Она вела колонку для лесбиянок и специализировалась на секс-меньшинствах, заодно обзаводясь нужными и приятными знакомствами.

– Привет, звезда, – проворковала Кристина, растопырила наманикюренные пальцы, потрясла рукой.

– Всем здравствуйте. – Марина плюхнулась в кресло, включила комп.

Итак, надо состряпать статейку об оболыщении для тетенек за сорок. Назовем ее «Как остаться ягодкой». Нет, не годится. Лучше «Ягодка всегда». Да, так лучше.

– Девчонки, как вам мой новый наряд? – проворковала Кристина, обиженная недостатком внимания.

– На Курочку Рябу похожа, – проговорила Танюха, не отрываясь от работы.

А ведь и правда похожа, отметила Марина. Лицо узкое, нос – клювиком, ножки тонюсенькие, икры отсутствуют, ручки – палочки, волосики жидкие, в черный крашенные, зато по пояс. Под кожей каждый позвонок виден.

– Что бы ты понимала, – отмахнулась Кристина, ничуть не расстроившись.

Несмотря на столь странную и, с точки зрения Марины, отталкивающую внешность, она имела двух состоятельных любовников, которые не догадывались о существовании друг друга, содержали ее и катали по Турциям-Италиям. Или любовники имели ее – это как посмотреть.

Итак, с чего начать статью? Конечно же, с того, что все мы не молодеем. Затем следует привести пример привлекательной сорокапятилетней женщины, с фотографией, естественно. Посмотрите, всего этого она добилась собственным трудом, и вы так сможете, если...

– Маринка, – проговорила Танюха. – Ты прямо цветешь и

пахнешь. Рада, что у тебя все хорошо.

– Регулярный секс благотворно сказывается на женском здоровье, – вставила свои пять копеек Кристина. – Я давно тебе советовала завести любовника.

– О, спасибо, не знала, как абзац начать, так и напишу. «Регулярный секс благотворно влияет...»

Вспомнился Артур, и в низу живота сделалось жарко, перед глазами возникли выведенные помадой цифры его номера. И все, работа остановилась. Терем, обнимашки на балконе. Ресторан, ладонь Артура, накрывающая руку. Аж голова закружилась. Марина не заметила, как, бестолково улыбаясь, смотрит в одну точку на стене.

Помотала головой, уставилась в экран, перенесла строчку про регулярный секс в конец листа. Нет, прежде надо написать про здоровый образ жизни, который способствует сохранению молодости, – вдруг молодежь прочитает.

– А давайте сегодня сходим в солярий, – предложила Кристина. – Я уже съездила в зоопарк, взяла интервью у самого директора, – она кокетливо пригладила волосенки, – об отравленных животных. Репортаж в топе, вы уже видели?

Марина положила телефон на стол, сгорая от желания написать Артуру. Отругала себя, пообещала продержаться до вечера. Вот бы еще раз его увидеть! Только разик. Ни один мужчина не доставлял ей такого удовольствия. И вряд ли доставит. От этой мысли сделалось тоскливо, Марина вздохнула и написала про витамины, пищевые добавки и косметику.

лога.

– Солярий вредит коже, – с опозданием озвучила она и свои мысли, и слова из будущей статьи. – Так что не пойду. Тем более у меня планы на вечер.

Сегодня придется задержаться до вечера и уйти домой после Тампошки. Он всегда торчит в офисе до последнего: то ли спасается от сварливой жены, играя в «танки», то ли действительно работает, во что верилось с трудом. Кристина поговаривала, что Тампон писатель, в тишине и покое он трудится над новым романом.

– Кристина, зайдите ко мне! – В кабинет, легок на помине, заглянул Тампошка.

Девушка поднялась и, презрительно вильнув тощими бедрами, скрылась за дверью. Таня, прищурившись, посмотрела на Марину:

– Любовь?

Из уст кого-нибудь другого вопрос, пожалуй, прозвучал бы слишком резко, но Таня имела в виду ровно то, что сказала: она интересовалась, не влюбилась ли Марина.

– Да вот не знаю, – честно ответила она, – еще не знаю... Позвонить ему, как думаешь?

– Позвони, если хочется. Прочь предрассудки.

Но Марина никак не могла решиться. Она пожалала плечами и углубилась в статью для дамочек-«ягодок», но текст не шел, и мысли возвращались к Артуру. Кто он, черт побери? Журналистский опыт подсказывал: не простой человек. Да,

полиция его опасается, да, он окружен тайной, только это – не обычная скрытность бандита или криминального авторитета, а нечто большее. Лев в саванне, тигр на Амуре – самый крупный хищник, одного рыка достаточно, чтобы мелюзга попряталась, а самки (и Марина в их числе, если быть честной сама с собой) готовы были отдаться без ухаживаний.

Она снова взяла телефон. Можно написать нейтральное, вдруг номер неправильно запомнила, но интригующее конкретное адресата эсэмэс.

Знать бы только, о чем писать.

Вернулась Кристина – Марина и не заметила, что прошло довольно много времени. Помада у Кристины слегка размазалась, а косынка, повязанная на манер Солохи, съехала набок. Кажется, Тампошка урвал свое.

– Между прочим, – растягивая гласные, начала Кристина, – сегодня вечером интересное мероприятие. В «Космосе». Приглашены только избранные, только лучшие. Естественно, я в их числе.

– Тогда слава богу, что я – нет, – буркнула под нос Таня.

Марина сделала вид, что погружена в работу и ничего не слышит. Значит, курица наша тощая, облезлая поддалась на уговоры Тампошки и решила войти в бомонд и элиту. Ну и пусть ее. Марину на подобные мероприятия никогда не тянуло. Интересно, Артур бывает на закрытых празднованиях? Наверняка. Кристина что-то щебетала, излагая безразличной Тане планы на вечер и описывая будущий наряд, а в

голове у Марины сложился план, простой, даже пошлый, но, возможно, действенный.

Она взяла телефон и принялась набирать сообщение.

«Привет! Будешь сегодня в «Космосе»? Главный хочет меня командировать, а без хорошей компании я туда не хожу».

Подписываться? Нет, не стоит. Пусть угадает.

Телефон тренькнул, отправляя сообщение. Ладони вспотели, а пальцы мелко задрожали, и тут же явились сомнения: а зачем вообще это делать? Набиваться... Глупо. И Артур в жизни не поймет, кто ему написал, он, может, вообще про нее забыл.

Сообщение принято, услужливо известил телефон.

Кристина что-то по-прежнему вещала, но у Марины звенело в ушах так, что она слов не могла разобрать. Она выскочила в коридор и закрыла за собой дверь. Мимо сновали сотрудники редакции, но Марина не могла сосредоточиться ни на чем, кроме телефона. Он молчал. Сообщение доставлено уже две минуты как, а телефон молчит. Значит, Артур забыл ее, не хочет отвечать, знать не желает, и только посмеялся над сообщением.

Когда аппарат тренькнул, Марина подпрыгнула от неожиданности и чуть не выронила его. Открыть сообщение от Артура было сложнее, чем открыть дверь в квартиру знаменитости...

«Тоже не хотел идти без компании, – написал он, – заеду

за тобой вечером. Скучаю! До скорой встречи!»

Сердце Марины забилося так сильно, что, казалось, проломит грудную клетку.

* * *

Марина с трудом закончила статью и под предлогом «срочного звездного интервью» пораньше смоталась с работы. Собственно, предлог можно было и не изобретать: Тампошка и Кристина отбыли за час до нее – надо думать, готовиться к элитному мероприятию.

Она ненавидела светские рауты.

Глянцевые журналисты относятся к ним по-разному.

Кому-то шумные и пафосные праздники кружат голову, создавая иллюзию причастности к верхам, к избранным. Кто-то пытается всеми правдами и неправдами пробиться на мероприятия – обычно это тощие, с голодным блеском в глазах и впалыми щеками молодые журналисты обоих полов, питающиеся исключительно на фуршетах и банкетах, потому что невеликая зарплата начинающего целиком уходит на съемную малосемейку в спальном районе, фирменные шмотки, «оторванные» на распродажах, и обязательные излишества в виде ночных клубов, премьер спектаклей и фильмов (а начинающий еще не обзавелся знакомствами, достаточными для получения контрамарки), показов мод.

Кроме того, молодые акулы пера не передвигаются по го-

роду на общественном транспорте. Такси, только такси! И считают, что для гламурного образа нужно употреблять дорогой алкоголь и желательнее еще более дорогой кокаин.

Другие, умудренные опытом и отравившие здоровый цинизм, от раутов не в восторге. Ощущение новизны – ах, сплетни! О, сильные мира сего, застигнутые врасплох, беспомощные и неприглядные! – быстро стирается, оставляя после себя скуку.

Певичка из модной группы «Старолетки» в очередной раз напилась и танцевала голышом? Господи, видели это сто пятьдесят раз. Осанистый и солидный продюсер орал матерные частушки? Ну да. С ним бывает. Депутат рыдал и бил себя в грудь, клянясь, что «эти руки ничего не крали»? Гм. Так мы ему и поверили. Прокурор закрылся в сауне с официанткой? Старый донжуан давно ничего не может, его жена об этом знает, его друзья об этом знают, и все на мероприятии об этом знают, включая официантку.

Молодая симпатичная девушка всегда рискует очутиться на месте официантки. В прошлый раз к ней прилип богатей средней руки – плешивый человечек во фраке, хозяин нескольких заправок. Намеков он не понимал, а отшить его грубо не позволял статус. К тому же он распускал руки...

Такое случалось, слава богу, не всегда. Вторая причина, по которой Марине не нравились светские рауты, – она ощущала себя не в своей тарелке. И хотя улыбалась от уха да уха и избегала закрытых жестов, плечи деревенели, и казалось,

что все замечают, как она скованна и неуклюжа. Думалось, все знают, что на ней обувь не за сто, а за десять тысяч, дешёвые украшения, недостаточно ухоженная кожа рук. И хотя это было не так, чудилось, что девушки модельной внешности хихикают над ее неуклюжестью.

Поэтому подобных мероприятий она старалась правдами и неправдами избегать.

Но не сегодня. Вечер обещал быть не то чтобы томным, но интересным.

Марина примчалась домой, и, когда открыла дверь, ей показалось, что прихожая все еще хранит ЕГО запах, отпечаток ЕГО присутствия. Будто бы мебель, стены, потолок и пол запомнили Артура и не хотели отпускать. Словно он вот-вот выйдет навстречу из спальни или кухни... Еще утром надежды на это не было, теперь же – появилась, и никуда от нее теперь не деться.

Гардероб журналиста, конечно же, включал в себя вещи, необходимые для мероприятий, подобных сегодняшнему. Марина распахнула пахнущий духами шкаф и уставилась в него. Стандартная ситуация: повесить некуда, надеть нечего...

В конце концов она выбрала длинное черное платье с открытыми плечами и спиной – этими частями тела Марина по праву гордилась. Туфли на высоком каблуке – рядом с Артуром можно себе это позволить, все равно он выше. Золотом на рауте никого не удивить, поэтому Марина выбрала

колье ручной работы из бисера и натуральных камней. Бронза, изумрудно-зеленый жемчуг, бирюза. Конечно, дешевле, чем одно колечко на пальце любой дивы, но – эксклюзив, не ширпотреб. Косметикой она пользоваться не любила, кожа была достаточно гладкой, поэтому Марина лишь тронула тушью ресницы и помадой – губы.

Лихорадочный блеск глаз красил лучше любого макияжа.

Марина посмотрела на себя в зеркало и нашла, что чертовски хороша. Правда, платье могло бы быть подороже. И туфли. И уж тем более – бижутерия.

Зато у нее хорошая фигура, свежая кожа и выующиеся волосы. Сегодня Марина себе нравилась.

Артур позвонил в дверь без десяти минут шесть – Марина как раз закончила одеваться. Цокая каблуками, она побегала открывать. Дыхание сбилось, сердце колотилось сильно-сильно где-то в горле.

Он стоял на пороге – прекрасный, как греческий бог, во фраке и галстук-бабочке. Марина застыла. Великосветский наряд не просто шел Артуру – он выглядел в нем естественно, как на принце крови или нобелевском лауреате. Густые волосы отброшены назад, на губах – загадочная улыбка, запонки поблескивают, туфли матово сияют кожей, о стрелки на брюках можно порезаться. В руках Артур держал букет роз – простой, без мишуры и ненужной зелени букет длинных голландских темно-красных роз – и бумажный пакет с вензелем модного магазина женской одежды.

– Это тебе. Не обидишься?

– Нет, – прошептала Марина, принимая цветы.

Целая охапка. Штук тридцать, точнее, двадцать девять, четное же не дарят. Розы одуряюще пахли романом и любовью. Марина неловко подхватила пакет. Заметив вопросительный взгляд, Артур пояснил:

– Ты прекрасна. Нет, серьезно, малыш, ты лучше всех, кто там будет. Я просто хочу сделать тебе приятно.

Марина положила букет на трюмо и заглянула в пакет. Платье. И еще небольшая коробочка с логотипом ювелирного, лучшего в городе.

– Нет, я не могу, – запротестовала она.

Артур шагнул к ней, сгреб в охапку и зарылся носом в макушку. Голос его зазвучал глухо:

– Можешь. Поверь, оно того стоит. Утереть нос собравшимся можно двумя способами: явиться в драных джинсах и плевать на всех или же одеться как королева. Думаешь, у меня фрак в шкафу висел? Да у меня и костюмов-то нет! Но я поймал знакомого стилиста за вертявую голубую задницу и обрисовал задачу. Надеюсь, угадал с размером. Пришлось, – он отстранился, заглянул ей в глаза и тепло улыбнулся, – показывать объемы на пальцах в буквальном смысле.

Любого другого Марина послала бы в ту самую «вертявую и голубую», но не Артура. Его поступок не выглядел оскорбительным.

– Хорошо, – засмеялась Марина. – Покажем им, где раки

зимуют!

Она направилась в спальню, Артур – следом. Марина скинула платье и почувствовала, как горячо становится в низу живота.

– Ты прекрасна, – повторил он хрипло. – Может, ну его, этот прием? Останемся здесь.

И указал на постель. Марина хотела того же, но не решилась сказать об этом.

– Нет уж, собрались блистать, так блеснем, – улыбнулась она. – Нагуляем аппетит.

Платье цвета морской волны, под горло спереди и открытое до копчика сзади, облепило тело, как перчатка. Под такое не наденешь белье, оно не скрывает недостатки фигуры, лишь подчеркивает достоинства. Марина при помощи шпилек и лака забрала волосы наверх, открыв уши и шею. Теперь она напоминала то ли гетеру, перенесшуюся в наш век, то ли английскую леди. Туфли Артур не купил, но длинный подол скрывал обувь. А в коробочке обнаружился кулон белого золота в форме капли, с черной жемчужиной посередине.

– Ты – сокровище, – прошептал пораженный Артур. – Клянусь, ты – самая прекрасная девушка под этим небом.

Ткань струилась волнами, ласкала тело, как морская вода. Марине хотелось мурлыкать.

– Мы не опоздаем? – спросила она. – Может, вызвать такси?

– Нас ждет водитель, – усмехнулся Артур. – Ты же не за-

была, мы пускаем пыль в глаза. Меня эта публика видела, но понятия не имеет, кто я.

«Как и я», – отметила Марина.

– Тебя же увидит впервые. Молчи и улыбайся на все распросы, ты придешь не в качестве журналистки, а в качестве дорогой гостыи – мое приглашение на две персоны. И ни одна высокопоставленная сволочь не должна заподозрить, что ты – это ты. Договорились?

– Маска, – пробормотала Марина, – кто вы?

Артур воспринял вопрос неожиданно серьезно.

– Тебе лучше не знать, поверь. Ты уже сделала ошибку – связалась со мной. Но я попробую не причинить тебе вреда и оградить от неприятностей.

И тут она вспомнила блондина.

– Представляешь, тобой интересовались, – проговорила она, усаживаясь на заднее сиденье.

Артур захлопнул за ней дверцу, устроился рядом:

– Да? И кто же?

– Какой-то частный детектив, Ян, кажется. Мне одно непонятно: откуда он узнал, что мы знакомы, у меня что, на лбу написано?

– Представь себе, – улыбнулся Артур. – Где это было?

– Возле нашего издательства. Что ты натворил, расскажи.

А то меня любопытство обглодало.

– Давай закроем тему. Тебе лучше не знать.

Сказал, как отрезал. Марина подумала, не обидеться ли

ей, и решила не заморачиваться – зачем портить себе прекрасный вечер?

* * *

Гостиница «Космос» блистала в сгущающихся сумерках.

Один за другим к ограде и красной дорожке подъезжали дорогие автомобили. Марина смотрела на это в тонированное окно лимузина и чувствовала себя начинающей актрисой, внезапно приглашенной на «Оскар». Шофер распахнул дверцу, сперва вышел Артур, потом, опершись на поданную руку, Марина. Вспышки фотоаппаратов, улыбающиеся секьюрити, приглашение на глянцевой бумаге, «проходите, пожалуйста». Марина взяла Артура под локоть. Она улыбалась, но ей было неловко.

– Утрем всем нос, – шепнул Артур, словно почувствовав ее состояние, – посмеемся от души.

И стало легче.

Сквозь распахнутые стеклянные двери они вошли в холл. Кругом гудела толпа – лица, засвеченные на страницах таблоидов, фарфоровые улыбки, подтянутые щеки и округленные губы. Сияющая роскошь, лихорадочный блеск глаз. Окружающие провожают ее и Артура заинтригованными взглядами, остается только раскланиваться вежливо – и чуть иронически.

У столиков с закусками толпились представители прессы.

Официанты сбивались с ног, разнося шампанское.

Марина заметила Кристину и Тампошку. Дамочка нацепила коротенькое платьишко, переливающееся блестками, как наряд куклы Барби, с юбкой, похожей на балетную пачку, и, кажется, все бабушкино золото. Жидкие волосы она взбила в подобие Пизанской башни, а каблуки делали ее на полголовы выше кавалера. Тампошка был во фраке – наверное, мужской дресс-код предполагал такую форму одежды, и фрак был ему не по размеру – взял напрокат, скряга. Красная бабочка больше подошла бы выпускнику детского сада, чем солидному редактору.

Кристина Марину не узнала. Она вообще никого не узнавала, пожирая окружающую РОСКОШЬ широко распахнутыми глазами и фотокамерой телефона.

Марина дернулась было поздороваться, но Артур увлек ее в сторону, приговаривая:

– Подожди, представлю тебя имениннику.

Как зовут директора чего-то там, чей день рождения, собственно, отмечался в «Космосе», Марина не помнила – кажется, имя это мелькало в светской хронике, но не было отмечено особой скандальностью... А бизнесом она не интересовалась.

Виновник торжества принимал поздравления в стороне от основной массы гуляющих. Высокий, осанистый, с усами в стиле Михалкова, сразу видно – бывший партийный начальник, удачно приватизировавший государственную собствен-

ность. От него не просто пахло деньгами – ими разило со страшной силой. Прическа, фрак, кольцо-печатка, часы. Рядом с ним радушно улыбалась маленькая брюнетка с проседью в волосах и по возрасту закрытом бордовом платье. Жена, сразу видно – боевой товарищ, а не молоденькая дурочка, которую содержат «для статуса».

– Артур! – обрадовался сильный мира сего.

Это в каких же кругах вращается Артур, промелькнула мимолетная мысль.

– Петр Алексеевич, с днем рождения вас! Ольга Сергеевна, рад встрече!

В руках Артура откуда-то взялась небольшая коробочка, которую он с шутливым поклоном вручил имениннику.

– Угадал, – пробурчал Петр Алексеевич, – умеешь же... Черт, два года думал купить, да руки не доходили...

В коробочке были часы. Марина не разбиралась в них, но прямоугольный хронометр отблескивал сапфировым стеклом, и видно было, насколько хорошо выделана черная кожа браслета.

– Угадал, – повторил именинник и сгреб Артура в крепкие объятия.

– Артур, представь нам свою очаровательную спутницу, – попросила Ольга Сергеевна.

– С удовольствием! Друзья, это – Марина, самая прекрасная женщина на свете.

– Не спорю, не спорю... – Петр Алексеевич приложился

к ее запястью.

У Марины немного кружилась голова: от запаха шампанского и морепродуктов, от многоголосого гомона и ощущения праздника, да просто от Артура рядом. Они еще некоторое время поболтали с юбиляром, получили приглашение «заехать, посидеть по-простому, по-дружески». Вспышки фотокамер подсказывали: коллеги запечатлели эту беседу.

Потом Артур увлек Марину танцевать.

В окружившей танцпол толпе промелькнуло удивленное лицо Кристины, дергающей Тампошку за рукав... Редактор увидел Марину, узнал и смешно выпучился, затеребил складочку между бровей.

Ох, сплетен будет завтра.

Артур вел Марину уверенно, будто они всю жизнь только и делали, что танцевали вместе, и вскоре зеваки отступили на задний план, растворились вовсе. Остались лишь теплые, в меру жесткие руки, прижимающие ее к себе, музыка и потрясающая легкость, наполнившая все тело будто бы пузырьками.

* * *

Шампанское и великолепный вечер кружили голову, но присутствие Артура рядом – на сиденье позади водителя – действовало на Марину еще хуже. Она совершенно потеря-

лась в пространстве и с трудом фокусировалась на пейзаже, затемненном тонированными стеклами автомобиля. Ощущение сна вернулось и не отпускало: ладонь Артура на бедре, ладонь обжигает сквозь тонкую ткань платья, молчаливый затылок водителя, фонари – оранжевыми тусклыми пятнами, и мир снова схлопывается до двух квадратных метров, и ничего, кроме НЕГО, не имеет значения.

И все-таки журналистская выучка брала свое. Марина машинально отмечала: они движутся по проспекту Победы в сторону центра, вокруг – дорогие пятиэтажки, отреставрированные лет пять назад. Деревянные перегородки снесли, коммунальные квартиры расселили, фасады подчистили, вставили новые стеклопакеты, и из убогих комнатенок – прибежища пролетариата – получилось элитное жилье, многие квартиры занимали не один этаж.

Вечером трафика почти нет, но шофер въезжает во двор, под сомкнутые кроны деревьев, золотисто-зеленые в отсветах фонарей.

– Приехали. – Артур улыбнулся, на секунду прижался к Марине. – Не боишься?

– Нет, – честно ответила она.

Рядом с Артуром и правда не было страшно. Сомнения предыдущего дня – а кто он, а что за тайна его окружает, не убьет ли ненароком? – растаяли без следа под солнцем его обаяния. Последний островок здравого смысла капитулировал, оставив записку «дальше как-нибудь без меня», крыша,

похоже, поехала следом. Марина сама себя не узнавала. Она от природы не была доверчивой: стоит повернуться незащищенной спиной – пнут, покажешь себя мягкой – ударят.

Водитель распахнул дверь и помог Марине выйти, Артур выбрался следом, дверца автомобиля мягко хлопнула, зашуршали по асфальту шины.

Подъезд охранялся недреманным оком консьержа – не привычной бабушки, а мордоворота в черном с повадками хорошо вышколенного волкодава. Увидев Марину, он дернулся было, но заметил Артура и сделался неподвижным, как предмет интерьера вроде кадки с фикусом.

Здесь было чисто и пахло хорошим одеколоном. Артур вызвал лифт, вставив ключ в скважину под кнопкой, и обнял Марину за талию.

Все остальное было как в тумане.

В зеркальном пространстве лифта они начали целоваться – жарко и исступленно, как подростки, впервые попробовавшие на вкус чужие губы. В зеркалах дробилось отражение изящной женщины в объятиях высокого мужчины, потом двери открылись.

Они оказались не на лестничной клетке, а сразу в квартире, в холле, который Марина не могла не то что запомнить – рассмотреть. Артур, ставший внезапно жадным и сладостно-грубым, прижал ее к стене, задрал платье, закинул ногу себе на талию. Марина почувствовала, что он возбужден, дыхание стало прерывистым и хриплым, губы пересохли. Она

не надела трусики, и пальцы Артура, пройдясь по внутренней поверхности бедра, коснулись ее промежности, заставив застонать, выгнувшись. Он поцеловал ее в шею, в пульсирующую жилку, легко прикусил, отстранился, заглянул в глаза.

– Марина. Ты. Самая. Лучшая.

Она обвила его шею руками. Прижаться, слиться, стать единым целым.

– Не здесь.

Она ждала, что Артур, как в прошлый раз, подхватит ее на руки и отнесет в спальню, но он потянул Марину за собой и распахнул дверь ванной комнаты.

В темном помещении, отделанном глянцево-черной плиткой, потолок казался зеркальным. Свет свечей, поставленных на бортики джакузи, преломлялся водой и отбрасывал трепещущие блики на потолок, стены, отчего мир делался зыбким, нереальным.

«Когда только он успел», – удивилась Марина, прежде чем нырнуть в забытие.

Платье скользнуло на пол, за ним последовала одежда Артура. Его сильные руки подняли Марину и опустили в теплую, плотную воду.

– Для тебя, – прошептал Артур, забираясь следом, – морская вода.

Искусственные волны уносили все печали и заботы не только этого дня, но и предыдущей жизни. Марина сидела, закинув ноги на бедра Артура, прижимаясь к нему. В полу-

мраке не видно было, какого цвета у него глаза, взгляд казался непроницаемо-черным. Марина хотела его больше, чем кого бы то ни было в своей жизни. Жесткие, но нежные ладони скользили по ее телу, подхватывали грудь, играли с сосками, оглаживали спину.

– Поцелуй меня, – не выдержав, попросила Марина.

Вода пахла морской свежестью и йодом. Артур пах мужчиной – не сильно и не резко, но так маняще, что она не удержалась, приникла к нему, вдыхая запах.

– Ты – моя.

Странное заявление, но Марина была согласна со всем, что он говорит.

– Отныне и всегда ты будешь моей.

Хорошо, хотелось кричать женщине, хорошо, только возьми меня!

Будто услышав, он подхватил ее бедра, приподнял и опустил на свой вздыбленный член. На этот раз все было иначе. Медленно, будто впереди целая вечность. Марина плыла по ночному морю, ее оглаживала вода и мужские руки, и не было в душе незаполненной пустоты, и непонятно было, как же она жила раньше.

Черная ванная взорвалась цветными вспышками. Марина закричала и, откинувшись назад, почти потеряла сознание. Артур удержал ее.

Ей снились бабочки – несметное множество оживших цветов. Разноцветные, легкие, они порхали над лугом, а Марина лежала в траве, закинув голову, и они садились на лоб, касались щек, лапками щекотали обнаженную шею. Был еще кто-то, она не могла повернуть голову, как ни старалась. Этот кто-то играл сосками, языком щекотал пупок, медленно опускался ниже.

А потом стало горячо, сладко, Марина вскрикнула. Когда она открыла глаза, сверху было лицо Артура. Он двигался мощными рывками. Заметив, что она проснулась, он остановился, поцеловал Марину в лоб:

– Доброе утро.

– Да, – простонала она, выгибаясь и помогая ему бедрами.

– Что?

– Не останавливайся.

Он ухмыльнулся, вышел, а вошел медленно-медленно.

– Не могу насладиться тобой, ты самая лучшая.

Марина обвила его шею руками, чтобы чувствовать его каждой клеточкой тела. И снова – головокружительный полет, и падение, и снова взлет.

А потом они лежали на огромной кровати: Марина – на животе, Артур – на боку, закинув на нее руку и ногу. Тикали часы в углу комнаты, чуть слышно шелестел кондиционер.

Марина помнила, что нужно на работу, но не могла найти в себе сил, чтобы повернуть голову и посмотреть на часы. Наверняка снова опоздала, но как же не хотелось сейчас думать о работе и Тампошке! Может, действительно взять больничный? Гори оно все огнем!

– Малыш, полдевятого, – проговорил Артур.

– Так рано, – улыбнулась Марина, переворачиваясь на спину и потягиваясь. – Я думала, что снова безнадежно проспала. Спасибо! Такой будильник мне нравится больше.

– Когда ты должна быть на месте? – поинтересовался он, приподнимаясь на локте и рассматривая Марину.

– Девять, начало десятого.

– Тогда собирайся. Делу – время, как говорится. Когда у тебя отпуск?

– Не скоро, – вздохнула она, отмечая, что глаза Артура горят, он выглядит счастливым, свежим и будто немного помолодевшим. Значит, не одна она с ума сходит, и это обнадеживает.

– Надо будет отправиться в теплые страны, спать до обеда, и чтоб симпатичные мулатки махали опахалами...

Марина толкнула его:

– Ах, негритянки...

Артур сгреб ее в объятия, прижал к кровати и прошептал:

– Ах так, да? Ну ладно, ты наказана, и вторую порцию сладкого не получишь, пойду кофе варить.

Он спрыгнул с кровати и отправился в кухню в чем мать

родила. Марина залюбовалась им. Раньше она считала, что женское тело гораздо эстетичнее, но у Артура даже мужской орган был красивым. Или это бурлящий в крови гормон заставляет видеть только хорошее. Ну не может человек быть идеальным! Не бывает такого.

Марина наконец осмотрелась. Они предавались разврату в просторной овальной гостиной с диковинными растениями, листьями вдоль стен. Ложе любви оказалось разложенным диваном, да и остальная мебель – глубокие кресла и журнальный столик, например, не подходили спальне. Из помещения вели несколько дверей. Одна была приоткрыта, за ней журчала вода и звенела посуда.

А еще казалось, будто издалека доносятся сдавленные рыдания – плачет то ли ребенок, то ли женщина, и от этого делалось не по себе. Марина перевела взгляд на дверь справа. Вроде бы всхлипывали там, но стоило напречь слух, как звуки стихали, все так же шелестел кондиционер, мурлыкал себе под нос Артур. Но едва Марина расслаблялась, как плач возвращался – слабо уловимый, будто рыдал бестелесный дух.

Настроение начало портиться. Воображение нарисовало заложников, запертых в соседней комнате, и Марина попыталась убедить себя, что это слуховые иллюзии. Но все равно хотелось посмотреть, что там. Вообще странно, что Артур занимался с ней любовью в гостиной, а не в спальне. Впрочем, может, просто не дотерпел?

Через десять минут Марина пила ароматный кофе из белой фарфоровой чашки. Артур, замотавшийся в простыню, напоминал бога, сошедшего с Олимпа. Марина млела от удовольствия и мысленно проговаривала: «Остановись, мгновение, ты прекрасно». Больше не чудилось странного, было хорошо и спокойно.

Здравый смысл ехидствовал, что не так все просто, потом будет очень больно, но Марина предпочитала не думать о будущем. У нее есть фантастическое сейчас, за которое не жалко заплатить любую цену. Да хоть душу продать.

Поставив чашку на стол, Артур проговорил:

– Мне нужно ехать, да и тебе пора на работу. Быстренько в душ – и по коням.

Когда хлынула вода, ударили фонтанчики из встроенной в стену душевой кабинки, Марине снова почудился женский плач. На цыпочках она ступила на пол и прижалась ухом к стене: ничего. Тишина абсолютная, и вдруг – звон разбитой чашки и снова тишина. Плач больше не повторялся. Спешно вытершись, Марина выскочила в гостиную, где уже одетый Артур собирал с пола осколки.

Но она была уверена: что-то разбилось именно там, за закрытой дверью. «Успокойся, Кнышева. Ну не Нарния же у него там! Разве что если Нарния – имя собственное». Нет, это вряд ли. Если бы Артур был женат, он снял бы гостиницу, а не тащил бы любовницу к себе.

Лишь сейчас до Марины дошло, что ей не в чем идти на

работу: не во вчерашнем же платье цвета морской волны. Где находится дом Артура, она запомнила плохо и не имела представления, есть ли здесь магазины.

– В сотне метров от дома магазин женской одежды, – сказал Артур, будто прочитав ее мысли. – Выберешь, что тебе приглянется, только быстро, а то я опаздываю.

Спускаясь на лифте, Марина прижималась к Артуру, жадно вдыхала его запах и думала о том, что в реальности карета превращается в тыкву не в полночь, а поутру. Рука Артура неподвижно лежала на ее плече, а взгляд был таким, будто он перемножает в уме многозначные числа.

Выйдя из подъезда, Марина оглянулась: Артур жил в отреставрированной сталинке. Выложенный булыжником двор не огораживался, живой изгородью служили тополя с обрезанными верхушками. Вдоль аккуратно подстриженных розовых кустов припарковались дорожные «Лексусы», «Инфинити» и «Мозератти», рядом с которыми «Мицубиси» Артура смотрелся ведром с болтами. На медной табличке было выгравировано: «Полесская, 29». Значит, Полесская. Марина улыбнулась; раньше их с Артуром связывал лишь телефонный номер, теперь же она знала, где он живет – они стали ближе.

Вышли на шумящую машинами улицу и словно очутились в другом мире, где пахло пылью, бежали злые, озабоченные люди, сигналили застрявшие в пробке автомобили, отражаясь в бесконечных витринах.

Бутик назывался «Моя прелесть». Марина выбрала первую приглянувшуюся блузку бронзового цвета с короткими рукавами и узкую черную юбку до колен, выскочила из раздевалки, показала Артуру и с ревностью отметила, что продавщица – брюнетка модельной внешности – вьется вокруг него.

– Шикарно, – кивнул он, отсчитал денег брюнетке и поспешил к выходу, Марина едва за ним успевала.

Продавщица с плохо скрываемой ненавистью глянула на ее обувь и отвернулась. Правильно, завидуйте, думала она, усаживаясь рядом с Артуром. Хотелось закутаться в плед, зашторить окна, закрыть форточки, чтобы не проникали посторонние звуки, поджать ноги к животу и замереть. Зажмуриться, замкнуться на себя, ловить и смаковать ощущение крыленности, наполненности.

Но вместо этого надо переться на работу, где, будь она неладна, еженедельная субботняя планерка с разборами полетов. Наверняка Кристина всем уже растрепала об Артуре, и придется отмахиваться от чужих потных рук, стремящихся проникнуть в душу, облапить чужое счастье, исследовать его на ощупь.

Вот и знакомый проспект, и блестящее стеклом и металлом офисное здание, возле которого толпятся курильщики. Парковщик в оранжевом жилете прохаживается вдоль ряда автомобилей в ожидании новой жертвы.

Марина невольно положила руку на колено Артура.

Безумно хотелось повиснуть на нем, прилипнуть и не оттипать, выйти за него замуж, чтоб умереть в один день, родить ребенка, а лучше двух...

Марина сдержалась, не спросила о грядущей встрече – негоже навязываться. Когда машина припарковалась, поцеловала Артура в щеку и шепнула:

– Спасибо за вечер, это было волшебно.

– Тебе спасибо, малыш. – Он улыбнулся и провел пальцем по губам Марины. – До встречи.

Марина прикусила язык, чтобы не спросить, когда же она будет. А вдруг не ответит? И что тогда? Не дожидаясь, пока он откроет дверь авто, будто приглашая удалиться, она выпорхнула и направилась к зданию, прямая и независимая.

Только возле парадного обернулась, провожая взглядом его автомобиль, ускользающий от пикирующего на него парковщика. Сунув в приемное отверстие пластиковую карту пропуска, Марина шагнула в просторный холл и на лифте, головокружительно пахнущем «Жадо», поднялась на шестой этаж, повернула в свое крыло и замерла перед дверью, но пересилила себя.

Что за приступ социофобии? Или это подсознательный страх, ведь мир полнится несчастными, обиженными жизнью людьми, а им трудно терпеть рядом с собой счастливого человека?

Ничего, переживут и смирятся. Расправив плечи, Марина протопала по пустынному коридору в актовый зал на пять-

десять персон, где всегда проводились планерки.

За приоткрытой дверью гудели сотрудники, но, когда Марина переступила порог, все они притихли, повисло молчание, как перед грозой. Поздоровавшись с собравшимися, Марина отыскивала взглядом Танюху, села рядом с ней и невольно скрестила руки на груди, нашла Кристину, которая тотчас отвернулась и сделала вид, что соседка по кабинету ее нисколько не интересует.

– Ну ты даешь, – шепнула на ухо Таня, пахнув сигаретами. – Они тебе все кости перемыли уже. Что, он и правда так хорош?

Ну вот, начинается!

– Ничего, если моют кости, значит, не будет остеохондроза, – ответила Марина в голос и добавила тише: – Да, он хорош, но кто, что и как, я не знаю. Вполне возможно, что это последняя наша встреча. Да, мне бы хотелось большего.

– Ага, – кивнула Таня. – В любом случае клево, рада за тебя.

В отличие от Кристины Танюхе было чуждо лицемерие, если она радовалась чужому счастью, то всегда искренне.

Марина глянула на часы: осталось две минуты. Тампошка был помешан на пунктуальности и являлся всегда ровно в девять тридцать.

Вспомнив вчерашний вечер, вытянувшиеся лица Тампошки и Кристины, Марина невольно заулыбалась и даже упустила из виду момент, как скрипнула дверь и миру явил-

ся главред, маленький, но важный, водрузил на трибуну ноутбук и обвел сотрудников взглядом из-под спущенных на кончик носа очков.

– Доброе утро, – проговорил он, и Марина очнулась, стерла с лица улыбку, приготовилась скучать, заранее зная, что ничего нового не услышит: кого-то похвалят, кого-то изберут козлом отпущения и ткнут лицом в лужу.

Ответственного работника Марину Кнышеву чаще хвалили. Сегодня же вся похвала досталась Кристине. Она сидела рядом с гламурной блондинкой Щербининой, предположительно любовницей хозяина концерна.

При других обстоятельствах Марина разозлилась бы, что самый популярный репортаж, растиражированный конкурентами, остался без внимания, но сейчас такие мелочи не омрачали ее счастья.

В конце концов Тампошка и про нее вспомнил, процедил похвалу сквозь зубы и приступил к пинанию нерадивых сотрудников. Чаще всего он выбирал жертвой Авдееву – вечно растрепанную женщину неопределенного возраста, затюканную тремя детьми и психически нездоровым мужем.

Авдеева работала редактором и частенько не сдавала тексты в срок, потому что засыпала на работе. Другую бы уже давно уволили, но Авдееву Тампошка жалел. При всей своей непривлекательности главред был человеком неплохим, отзывчивым, хотя тщательно это скрывал.

Больше никого Тампошка не ругал. Напомнил, в ка-

ком престижном журнале все работают, рассказал о планах на следующую неделю и распустил собрание на удивление быстро.

Марина не спешила уходить, чтоб не толкаться на выходе. Танюха наклонилась и прошептала:

– Кристина брызжет ядом от зависти.

– Хорошо, – ответила Марина безучастно, отмечая, что мелочи, которые раньше вызвали бы душевный отклик, сейчас не волнуют ее: она оглушена более сильным переживанием. Настолько оглушена, что ничего вокруг не видит и не слышит. Не хотелось бы привязываться к Артуру, но, похоже, это уже случилось, уже потянулись к нему невидимые нити уз. Пока они тонкие, но еще немного, и нити превратятся в цепи. Любить хищника себе дороже. Их жены – несчастные забитые создания, а любовницы у них долго не задерживаются.

Разумнее было отказаться от него сейчас, но Марина, как начинающий наркоман, убеждала себя, что сумеет это сделать потом, не отказываясь же от удовольствия!

Тренькнул телефон – Марина вздрогнула и, блаженно улыбаясь, полезла в сумочку, чтобы прочитать сообщение. Она была уверена, что ей написал Артур, но это была мама: «Привет. Когда освободишься, позвони. Скучаем».

Нахлынула обида, захотелось разбить о стену телефон. «Кнышева, стыдно. Держи себя в руках. Ведешь себя, как истеричная малолетка». Уставившись на экран телефона, Ма-

рина не заметила, как все разошлись, в актовом зале остались она и Танюха, наблюдающая за ней, подперев голову рукой.

– Пошли уже, влюбленная женщина. Смотришь на тебя, и аж завидно.

Марина грустно улыбнулась и подумала, что правильнее посочувствовать, потому что влюбленные – те же наркоманы, только зависимость не от вещества, а от человека. Сначала думаешь, что побалуешься, а через некоторое время брошишь, но потом оказывается, что балуются тобой.

В голове – каша, в душе лилии разворачиваются и розы благоухают, а надо работать. Марина вздохнула, уставившись на экран монитора. Пора явить миру новую сенсацию, например, попытаться выяснить, кто он, возлюбленный Оливии. Да, и не помешало бы узнать, как себя чувствует попдива, в «Космосе» ее не было.

Марина ввела в строчке поисковика: «Оливия, самоубийство, самочувствие». Первые ссылки были на ее материал, только растиражированный и слегка переделанный сомнительными ресурсами. А вот ссылка на видео датировалась вчерашним вечером.

Программа называлась «Код доступа», вел ее скандально известный Алик Бобров, сынок олигарха, жаждущий славы. Денежки папани открывали перед ним все двери, и закрытое учреждение, где лечилась Оливия, не было исключением.

– От бобра не жди добра, – пробормотала Марина и при-

ступила к просмотру.

Начало, где кудрявый мажор с килограммовой «голкой» и очками в пол-лица занимался самолюбованием и перескакивал ее текст, Марина промотала – она не любила Боброва, его нечистоплотность, презрение ко всем и понты. Вот уж великий журналист! Если б не папенькины денежки, репортажей не было бы, кто б его пустил бесплатно в психиатрическую лечебницу?

Все знали, кто такой Бобров, даже самые несведущие домохозяйки, однако он играл в шпиона и якобы пробирался в палату Оливии обходными путями: через столовую, прачечную, прятался в складских помещениях. Опять пришлось проматывать.

На беседе с лечащим врачом Марина остановилась. Это был высоченный верзила в квадратных очках, с седой щетиной и нездоровым блеском чуть косящих глаз. Аккуратная папочка в руках и фонендоскоп, переброшенный через шею, намекали на то, что беседа – не более чем инсценировка.

Для начала врач немного поломался, но Бобров наседали с изяществом бульдозера, и в конце концов бастион пал. Александр Степанович Ямяк, так звали врача, стреляя по сторонам глазами, начал рассказ:

– У Оливии тяжелая депрессия, она не ест и не спит. Полностью отсутствует жажда жизни.

Бобров пригладил черные локоны:

– Вот как... Она не пыталась повторить попытку само-

убийства?

– Это не исключено, потому мы вынуждены, э-э-э, обезопасить ее от себя самой.

– Можно ли с ней поговорить?

– Она не идет на контакт. – Ямяк оглянулся назад. – Но ладно, только быстро.

Камера в руках оператора дрогнула и поплыла вдоль коридора, выхватывая одинаковые двери, похожие на тюремные, и периодически возвращаясь к гордо расправленной спине Боброва, который по наставлению Ямяка надел медицинский халат, но застегивать не стал, чтобы не прятать загорелую грудь с цепью и черными завитками волос.

Сначала Марине подумалось, что Оливия спит, повернувшись лицом к стене и поджав ноги, но Ямяк протопал к ней, потормошил:

– Оливия, вставайте. Надо на процедуры.

Протяжно вздохнув, незнакомая усталая женщина села, бездумно уставилась на Боброва. На ней была серая пижама, похожая на тюремную. Волосы висели неопрятными сосульками, под глазами залегли черные круги, бескровные губы шевелились, будто она читает молитву.

Марине безумно захотелось разреветься: пришло понимание, что Оливия никогда не станет прежней, она выгорела дотла, осталась ее бледная репродукция. Увиденное проняло даже Боброва: растеряв уверенность, он переминался с ноги на ногу.

– Скажите, Оливия, – пробормотал он. – Человек на фотографии, кто он?

– Уходи, Шурик, нам не о чем разговаривать, – пробормотала она, плюхнулась на кровать и отвернулась лицом к стене.

И Алик, скукожившись, попятился. Казалось, его локоны зашевелились от страха, будто из глаз Оливии на него смотрела сама смерть, дышала затхлым, облизывала беззубые десны и шамкала: «Смотри и помни. Мои, вы все мои».

Сюжет продолжился разговором с Ямяком, который постерегся давать прогнозы, сказал только, что попытается добиться ремиссии с помощью препаратов.

Увлеченная, Марина не заметила остановившуюся позади и вытянувшую шейку Кристину.

– Ниче себе ее накрыло, – прокомментировала она. – Никогда не понимала, как можно себя так изводить из-за мужиков. Их же, как грязи.

– Ты так говоришь, будто никогда не влюблялась, – с укором сказала Таня.

– Пфф. – Кристина повела плечами, села на кресло и закинула ногу за ногу, сегодня, вероятно, чтобы отпугнуть лето, она обула черные кружевные сапожки. – Надо голову на плечах иметь. Ну какая выгода с тех красавчиков? Меня Вигандас во Францию возил и купил кулончик с совой, вы его помните. – Она закатила глаза. – Там прямо в центре Парижа есть кафешка, где настоящий сметанный соус, не то что

у нас! Они в соус муку не добавляют.

– А еще в Париже бутики, – проворчала Таня. – Кроме жрачки и шмота, тебя что-нибудь интересует? Например, была ли ты в Лувре?

– Ой, перестань ты уже. А Толик мне юрфак оплачивает, два года осталось учиться.

«А потом такие с людьми работают», – подумала Марина и промолчала.

Сегодня всем требовалось сдать план работы на следующую неделю. Если сотрудники сами не придумывали, о ком писать, то задание давала креативная группа, как правило, оно было нудным и плохо оплачиваемым. Кристина страдала отсутствием фантазии, и весь ее материал – плод размышлений этой креативной группы. Марина же пыталась мыслить сама, вот только сейчас ничего в голову не лезло.

О ком бы написать, да чтоб поинтереснее, понажористее? Про Артура не напишешь... Вспомнился гитарист из «Филина», которого выгнали из собственной группы и лишили всего. О! История популярных рокеров заиграет новыми красками. Вспомнить бы еще, как его зовут... Миша? Вроде да, а прозвище какое? Надо у Гугла поинтересоваться, заодно и почту проверить.

Кроме спама, было три письма-уведомления из соцсетей и одно – отправленное с неизвестного адреса, с заглавием «Артур». Руки похолодели. Это еще что?

Правильнее было удалить письмо, не открывая: Артур

вряд ли знал ее электронный адрес, но любопытство перевесило, и Марина с замирающим сердцем кликнула по названию. Письмо не содержало текста, зато к нему крепилось четыре фотографии. Скачать, не скачать?

Если удалить, потом любопытство одолеет, и все равно будет думаться всякое, так что пусть правда восторжествует.

Поставив их на загрузку, Марина отвернулась от монитора. Таня работала. Кристина, улыбаясь, смотрела в экран. Ощувив взгляд Марины, повернула голову и прошептала:

– Я на «фейсбуке» выложила фотки из «Космоса», ты еще не лайкала?

– Нет.

Итак, пора пришла. Кнышева, набери воздуха побольше и познай истину! Марина скосила глаза на экран, открыла первую фотографию и мысленно выругалась. На ней был Артур, шагающий под руку с блондинкой модельной внешности. Моделька лучилась счастьем, на лице Артура была все та же отстраненность. Марина ревниво всмотрелась в соперницу и ощутила себя деревенской девкой, толстой каракатицей. Девушке было лет восемнадцать – двадцать. Ровные белые зубы, ямочки на щеках, личико сердечком, глазища в пол-лица, водопад белых волос ниспадал до ягодиц. Совершенство. Ни капли лишнего жира, ноги от ушей. Раньше Марина жалела высоких женщин, потому что им сложнее найти себе пару, теперь же искренне завидовала блондинке, которая на каблуках доставала до виска Артура. Марина же была

намного ниже.

На второй фотографии снова были Артур и блондинка. Они сидели за столиком в ресторане, похоже, в том самом «Филине». Блондинка смеялась, а Артур, склонившись, что-то ей рассказывал. На третьем и четвертом фото они танцевали на каком-то приеме.

Что самое обидное, блондинка не была тупой курицей, как большинство из их породы: у нее живое, очень открытое лицо и умные глаза.

Что же за тварь прислала эти фотографии? Кому ж так не дает покоя чужое счастье? Кристина? Больше некому. И ведь как играет! Будто ей нет дела, что Марина читает ее письмо и бесится.

Заставив себя успокоиться, Марина решила поискать в Интернете упоминание о таинственной блондинке, но ничего не нашла, как и тайный недоброжелатель. Вполне может быть, что блондинка – бывшая девушка Артура. Зачем ревновать? У него наверняка были сотни женщин... И будут. Надо или принимать его таким, каков он есть, или рвать отношения.

Марина представила, что никогда его больше не увидит, и сделалось так тоскливо и бесприютно, хоть вешайся.

Беги, Кнышева, спасайся, пока не поздно. Ты проиграешь, он сильнее.

Марина покосилась на Кристину, увлеченную соцсетями, где она! Красовалась! В «Космосе»! Смотрите и завидуйте!

И плевать, что ради этого пришлось переспать с коротконогим пузатым Тампошкой.

Музыканта зовут Михаил Кречет – вспомнилось внезапно. Ну вот, теперь есть предлог, чтобы написать Артуру. Но разве он об этом знает?

Мир наполнился смыслом, натянулись связывающие их невидимые нити. «Привет. Как зовут гитариста из «Филина»? Можешь устроить встречу с ним? Очень нужно», – написала она и отправила сообщение. И все, теперь не существовало ничего, кроме ответа Артура, который, Марина надеялась, скоро будет.

Артур не солгал, ныне популярную рок-группу создал и раскрутил именно Михаил, оставшийся не у дел. Информации о нем было мало, и вся – обрывочная, так что будущий материал имел неплохие перспективы, если, конечно, Кречет не откажется от интервью.

Поиск информации отвлек ненадолго, вскоре мысли вернулись к Артуру. Прошло уже полчаса, а он не отвечает, почему? Не хочет? Не видит сообщение или кувыркается со своей блондинкой?

Почему, черт побери, это так важно?! Не заикливаться, отвлечься. Нельзя так сходить с ума, ты ведешь себя, как истеричка, Кристина надорвет живот, если заметит. И вообще, займись работой, составь план на следующую неделю, отправь Тампону и иди домой.

Но от одной мысли, что придется вернуться в пустую

квартиру, где простыни хранили запах Артура, делалось холодно. Офисные стены, чужие люди словно защищали ее от воспоминаний, ослабляли натяжение уз.

Итак, центральной материал о Кречете. Интервью ставим на вторник, в среду обрабатываем материал и выпускаем статью. В четверг нужно будет посетить молодую поп-группу, которую отец создал под свою бесталанную дочь и теперь всячески раскручивает. В пятницу – конкурс фотомоделей. Точнее, отбор элитных проституток в бордель, называемый домом красоты «Мария». Обкатка будущих сотрудниц проводится членами жюри. Мерзейшее мероприятие. Все знают, что там происходит, но все равно находится парочка дурочек, для которых все заканчивается стрессом и разочарованием в модельном бизнесе.

В прошлый раз к Марине там приклеился молодящийся дяденька с овечьим лицом и глазами навывкат, предлагал третье место в конкурсе. И, что обидно, нельзя писать правду об их богадельне.

В субботу...

Запиликал телефон, задребезжал вибровозвонком. Марина схватила его, но это звонила мама, не дождавшаяся ответа.

– Привет, ты уже освободилась?

– Ненадолго, ма, – уронила Марина.

– Ты приедешь в воскресенье? Мы по тебе соскучились, и Анечка, и Мишка. А то совсем нас забыла.

– Мамуля, постараюсь, очень работы много, – соврала

она. – Извини, мне надо бежать.

Марина поймала себя на мысли, что обижается на маму, ведь она обманула ее ожидания. Во время разговора с ней приходилось себя одергивать, чтобы не высказаться резко – мать-то ведь не виновата, что Артур игнорирует сообщение.

– Тань, что ты после работы делаешь? – спросила Марина, понимая, что ей любым способом нужно избежать одиночества.

– Да ничего, а че?

– Давай по пиву выступим?

– О, клево. С утра его хочется, если честно.

– Пиво – это вульгарно, – вставила свои пять копеек Кристина.

– «Вульгарно» и «негламурно» – понятия не тождественные, – парировала Танюха и покрутила серебряное кольцо, надетое на большой палец. – Правда, я на мотике, но ниче, на стоянке постоит, ничего ему не сделается.

* * *

Танюха была классной. Если бы она родилась парнем, Марина с ней завела бы отношения, а так мешала абсолютная гетеросексуальность. Паб, в который они пришли по рекомендации Танюхи, оказался местом уютным, с негромкой нейтральной музыкой – из динамиков лился блюз, – настольным хоккеем в дальнем углу, тяжелой основательной мебе-

лью и фотографиями улыбающихся посетителей.

Поначалу беседа отвлекала от мыслей об Артуре. Бокальчик пива, потом еще один, и мир поплыл, чувства обострились до предела, и Марина почти физически ощущала черную тушку предательски молчащего телефона.

Понемногу заканчивался день – бессмысленный и пустой. В баре начали собираться компании, состоящие в основном из мужчин, причем почти все они выглядели достойно. Не звонишь, Артур? Ну и не надо. Ты не единственный мужчина, не так уж и трудно найти, с кем скоротать вечер. Взять, например, вот этого лохматого блондинчика в байкерском прикиде. И брюнет с татуировкой вполне ничего. Бицепс, как бедро, мышцы бугрятся, одежда подобрана со вкусом. Марина подумала, что надо бы запомнить это место, но Танюха наклонилась над столом и прошептала:

– Ты не стреляй так глазами, не пали контору, это гейский бар.

Марина поперхнулась пивом, закашлялась, промокнула губы салфеткой.

– Зачем ты мне такую подлость подстроила? – прошептала она и неожиданно для себя рассказала о блондинке с фотографии, о молчащем телефоне.

– Я всегда сюда с подругами хожу, – пожала плечами Танюха.

Ну да. Блондина захотела? А он – конкурентка. Обидно.

– Извини. – Танюха накрыла ладонью руку Марины. – Хо-

чешь, пойдём в другое место?

– Да нет, – справилась с первым потрясением Марина. – Как раз то, что надо. Глупостей не наделаю, а здесь приятно, мне нравится.

«Лица нетрадиционной ориентации» не шумели, не приставали и не стреляли глазами. После очередного бокала пива Марина совсем расслабилась. Танюха мурчала что-то успокаивающее, поглаживала по руке, заглядывала в глаза.

– Да позвонит он, успокойся... Может, это и правда бывшая... Может, сестра, ты же не голышом их видела... И вообще в наш век фотошопа...

Хотелось верить. Но вместе с хмелем в Марине бродила обида на Артура (не звонит!), и бунт (а и не надо, чтобы звонил!), и еще пустая, ничем не заполнимая тоска по нему.

– Давай по шотам пройдемся? – предложила Танюха.

Посетителей становилось все больше, с Таней здоровались, на Марину изредка поглядывали с интересом. Вечер еще, в общем-то, только начался, пиво больше не лезло, домой не хотелось, и Марина приняла предложение.

Первые три коктейля пошли хорошо, а потом уставшая и не выспавшаяся Марина поплыла. Какая-то часть мозга орала: подруга, ты набралась, дуй домой. Но разум занялся активным поиском приключений на нижние девяносто.

Сначала Марина потащила Танюху танцевать. Потом, кажется, рыдала у нее на плече, запустив пальцы в густые волосы. Потом – обнималась в дамской комнате. Потом они по-

шли гулять, и вечерние улицы приняли двух женщин в свои объятия.

Они шли по шумным улицам, потом свернули в какой-то двор, сели рядом на лавочку. Танюха закурила. Марина положила руку ей на бедро, наклонилась, заглянула в глаза. А если так? Если влюбиться в хорошего парня Танюху, свою в доску, понятную, без закидонов и загадочных знакомств, рыданий в потайной комнате. Жить вместе, вместе на работу ездить, весело проводить время и не страдать по пустякам!

– Нет, – трезво и тихо сказала Таня, уклоняясь от поцелуя. – Хорошую дружбу мы портить не будем. Я не гожусь для «клин клином».

Марине стало мучительно стыдно, аж хмель слетел. Она решила использовать подругу в качестве «клина» и обидела близкого человека.

– Прости, – прошептала Марина, – прости меня, пожалуйста.

– Нормально. – Улыбка у Тани была кривовата. – Знаешь, если бы не твоя любовь неземная – я с удовольствием. Так что имей в виду на будущее.

И тут у Марины зазвонил телефон.

* * *

– Привет. – Голос Артура был неестественно спокоен. – У меня небольшие проблемы. Мне нужна твоя помощь.

– Ты где?! – чуть не закричала она. – Что случилось?

– Не телефонный разговор. Я около твоего дома, в машине. Приезжай.

– Сейчас буду!

Она отключилась и принялась рыться в памяти телефона в поисках номера такси.

– Что случилось? – встревожилась Танюха.

– Извини, – хмель выветрился сразу, – мне срочно надо домой. Алло, девушка, можно машину...

– На улицу Градова, десять, – подсказала Таня, и Марина повторила адрес.

Оператор пообещала, что «через пять минут будет», и следующие пять минут для встревоженной Марины тянулись вечно, как и поездка в такси до дома. Она едва не забыла расплатиться, выскочила, хлопнув дверцей, и почти сразу увидела припаркованный автомобиль Артура. Сам он стоял, привалившись к капоту, и выискивал взглядом Марину. Она бросилась навстречу:

– Как ты?!

Артур обнял ее, прижал к груди. Марина почувствовала, как его тепло заполняет пустоту.

– Как ты? – повторила она.

Жив, кажется, не ранен, а с остальным можно справиться.

– Малыш... мне нужна твоя помощь. – Артур провел ладонью по ее волосам. – Я никому, кроме тебя, не могу доверять. Ты же не откажешься приютить хорошего человека?

Сердце зашлось в груди. Неужели нужно приютить его?! Неужели они будут жить вместе, просыпаясь каждое утро, заглядывать друг другу в глаза? Неужели она будет варить Артуру кофе и жарить яичницу? Вот оно – счастье, можно руками потрогать, услышать его запах – запах хороших мужских духов...

– Конечно, – прошептала Марина, – конечно, не откажусь!

– Спасибо.

Он отстранился и распахнул заднюю дверь машины.

– Катя!

Остолбеневшая Марина не сразу узнала девушку в свете фонарей. Из салона выкарабкалась бледная тень той красавицы, фотки которой она рассматривала утром. Светлые волосы больше не ниспадали водопадом, они были забраны в хвост, и все равно видно – голову Катя давно не мыла. Вместо обольстительных нарядов – потертые джинсы и старый свитер, толстый, растянутый, под горло, болотно-зеленый. На ногах – кеды. И это – в такой теплый вечер! Перемены произошли и с лицом девушки. Губы – в нитку, потрескавшиеся, спекшиеся. Нездоровый румянец. Лихорадочно сверкающие глаза под набрякшими веками. Катя обхватила себя руками и ссутулилась, глядя в асфальт. Ее движения остро напомнили Марине певицу Оливию. Тяжелая депрессия?

– Я... – будто осенний лист хрустнул под ногой. – Катя. Сестра Артура.

– Очень приятно, – пробормотала обескураженная Марина.

– Я больна, – продолжила Катя, избегая смотреть на Марину. – И мне негде... мне нужно...

Она заплакала – почти беззвучно.

– Да что же мы стоим! – спохватилась Марина. – У всех на виду. Пойдемте, хоть чаю выпьем. Пойдем, Катенька.

Сейчас предполагаемая «бывшая» (а оказывается – сестра! Как хорошо!) вызывала только жалость и желание обогреть.

На кухне она забилась в дальний угол, ну хоть плакать перестала. Артур отозвал Марину в сторонку:

– Понимаешь, мне нужно уехать. Ненадолго, надеюсь, малыш, но все-таки. Мне угрожает опасность. Я предупреждал тебя, что лучше со мной не связываться, так ведь? Вот. – Он развел руками, словно извиняясь.

– Что с Катей? Депрессия?

Артур промолчал, но Марина поняла по взгляду: правильно предположила. Депрессивную больную нельзя оставлять одну. Но Марина же работает, она не сможет постоянно контролировать состояние Кати.

– Ей нужно принимать какие-то таблетки?

– Нет-нет. И не обязательно с ней все время сидеть. Просто пусть побудет с тобой. Мне так будет спокойно. Малыш, я должен бежать. Как смогу – выйду на связь, сама мне не звони, не рискуй. И ни в коем случае никому не говори обо

мне. Могут прийти странные люди...

Марина вспомнила про визит частного детектива и кивнула.

– Так вот: молчи. Ничего не знаешь. Им нельзя знать про Катю. Пусть думают, что она – твоя подруга, хорошо? Обещаешь так и сделать?

– Да, – несколько оторопев от напора, согласилась Марина, – хорошо, договорились.

– Пообещай, – настаивал Артур.

– Обещаю, – вздохнула Марина, с трудом подавляя желание дотронуться до него, хоть за руку подержать.

Артур вытащил бумажник и отсчитал десять стодолларовых купюр. Катя, поджав ногу, смотрела на Артура влажным взглядом преданного сенбернара.

– На случай, если вам что-то понадобится. Вряд ли меня не будет дольше двух дней, крайнее – три, но на всякий случай...

Она не стала отказываться. Конечно, Марина надеялась, что он останется на ночь, но Артур даже не попрощался с сестрой, быстро поцеловал Марину и выскочил прочь, оставив ее наедине с незнакомой и нездоровой девушкой. Едва хлопнула дверь, Катя вскочила, чтобы рвануть за ним, но будто неведомая сила остановила ее и швырнула на кухонный уголок.

«Ну что ж, – решила Марина. – В конце концов, журналист должен находить подход к любому человеку, и де-

прессивная Катя ничем не хуже остальных, тем более фотографии, присланные «доброжелателем», оказались ерундой – промахнулся папарацци!» Марина только сейчас поняла, что про это Артуру не рассказала, просто некогда было, и не спросила у него, кто мог захотеть, чтобы они расстались, кто и откуда знает почту Марины и чем это ей грозит...

«Ладно, – решила она, – спросить успеется».

Катя по-прежнему сидела в углу, глядя на пустой стол и обхватив себя руками. Сколько ей лет? Двадцать? А Артуру? Тридцать пять? Сорок? Слишком большая разница в возрасте между братом и сестрой и никакого сходства. Наверное, Катя – сводная.

– Хочешь чаю? – спросила Марина. – Ты не стесняйся. Еды, конечно, немного, но нам хватит, а завтра что-нибудь придумаем. Может, душ? Ванна? Переодеться? Ты без вещей, мои тебе коротковаты будут, но футболку спальную найдем...

Она говорила, но слова не вызывали у девушки никакой реакции.

Марина поставила чайник, вытащила коробку конфет, припрятанную до лучших времен, – где-то слышала, что шоколад вызывает хорошее настроение.

– Будешь? Может, ты голодная?

– Нет... спасибо, ничего не нужно. – Тонкие пальцы были сжаты так, что костяшки посинели.

– Катя. – Марина опустилась на табуретку рядом и поло-

жила руку девушке на плечо – Катя отодвинулась. – Артур для меня очень дорогой человек.

– И для меня...

– А значит, и ты мне дорога. Поэтому, пожалуйста, скажи, чего ты хочешь?

Девушка зыркнула злобно и уронила:

– Сдохнуть.

Марина подумала, что ослышалась, но Катя стряхнула ее руку, выпрямилась и посмотрела в глаза с запредельной, смертельной тоской.

– Я хочу умереть. Не могу.

Волна паники окатила Марину. Это что, суицидальные мысли? Ну и что теперь делать? Вот спасибо, любимый! Не было бабе заботы, купила баба порося. «Скорую» вызывать? Искать хорошего психиатра по знакомым? Впрочем, Марина быстро взяла себя в руки: где-то она читала, что если пациент декларирует желание убить себя, никогда на подобный шаг не решится.

– Со «сдохнуть», подруга, я тебе не помогу. Поэтому сейчас ты пойдешь в душ и помоешь голову. Потом поешь. Потом ляжешь спать. Осознала?

– Я не могу...

– Чего ты не можешь? – напустилась Марина. – Голову вымыть? Так я тебе помогу. Давай, поднимайся.

Чуть ли не волоком она оттащила сестру Артура в душ, включила воду, заставила девушку раздеться – Катя не сты-

дилась наготы. Она оказалась жутко худой, все кости сквозь кожу просвечивают, на тонких руках алели шрамы поперек запястий. Катю трясло – то ли от озноба, то ли от истощения. Марина разозлилась на Артура: надо же довести родную сестру до подобного состояния! Ей же срочно нужна помощь, и не любительская, а профессиональная, врачебная! Неужели он не видит? Хотя, может, есть причины, о которых Марина даже не догадывается.

Она усадила Катю в ванну и вымыла, как маленького ребенка. Девушка вскоре перестала дрожать, расслабилась под действием теплой воды.

– Сейчас я дам тебе свой халат, и мы пойдем ужинать. Конечно, на ночь есть вредно, но тебе – полезно. Ничего, вычухаешься, будешь красавицей, как раньше.

– Не буду. Ничего не будет. Все кончилось.

– Вот еще. Ерунда. Ты – красивая, молодая женщина, а депрессия в наше время – не приговор. Я найду хорошего психотерапевта, и тебе помогут. Я же журналист, у меня хорошие связи. Главное – не отчаиваться. Не знаю, почему Артур раньше...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.